

ГОРЕЛА
Наталья
ЖЕЛНОРОВА
ВРЕМЕНИ
СВЕЧА...

Как воск дни жизни отливали

КАК СОЗДАВАЛАСЬ ГАЗЕТА

Эта история взята из книги главного редактора интернет-издания "Время жить вместе" и автора этого проекта с тезисом "Серьезная газета для хороших людей" - Натальи Желноровой. Книга называется "Горела времени свеча" и автор там описывает все происходившее от третьего лица...

РОКОВЫЕ ВОПРОСЫ

К 2003 году у Наташи с мужем уже был опыт дружбы с детским домом. Связано это было в первую очередь с тем, что Наталья не хотела баловать своих ребят и решила «все лишнее» отдавать сиротам. Они возили туда разные вещи — одежду, обувь, спорттовары, телевизоры, книги, лекарства... Тогда со всем этим в детдоме было очень плохо. И постепенно втянулись так, что уже не забывали о них надолго. Наталья надеялась таким образом устранить очевидную несправедливость: у своих все — любовь, хорошее обеспечение, а у тех — ничего! Однажды подруга спросила Наташу, где они были в новогодние дни. Ей ответили, что они ездили в детский дом и по этой уважительной причине отсутствовали дома. И вот тут подруга произнесла слова, ставшие для Натальи «роковыми»: «Ой, как вам повезло — есть куда ездить и есть о ком заботиться!» Наташа опешила и ответила ей: «Да ты знаешь, сколько мест, где нужна твоя помощь и забота?! Сколько детдомов, стариковских приютов, больниц — и всюду будут рады твоему появлению!» — «Ну что ты! Как я приду туда в первый раз и что я скажу? Буду как дурочка совать им свои вещи, гостинцы. Может, они им вовсе и не нужны...»

Вот «как наше слово отзовется» — мы и не ведаем. Наталья представила, сколько же таких нерешительных людей по стране. Они просто не знают, как это делается! Их никто этому не учил! А сколько детей растёт, которые не видят примера взаимопомощи взрослых, не видят их соучастия, милосердия по отношению к старым, больным, бедным. Возможно, своим близким они и помогают, дай Бог, чтобы это было так, ну а как же другим — чужим? Это же такой мощный нравственный пример!

В том же детдоме Наташа разговорилась с одной молодой американкой. Ее родители взяли на воспитание двух ребят из этого приюта. Наташа спросила намеренно жестко: «А вот вы, родные дети (их в американской семье уже было трое), не протестовали против приемных? Кстати, зачем они нужны вашим родителям?» Девушка удивленно посмотрела на нее и ответила: «Конечно, не протестовали. Мы все были за! И как это «зачем?» Мы же теперь можем гордиться своими родителями!».

Эти слова запали в Натальину душу. Часто ли мы задумываемся над тем, чтобы наши дети нами гордились? Не тем, что «их предки» им купили крутые мобильники или свозили на Мальдивы, а тем, что их родители — добрые люди!

Сейчас должна наступить эра милосердия. Иначе человек утонет в потребительстве, эгоизме, развлечениях, будет думать только о себе любимом, о своем довольстве и забудет, что есть на земле еще много страдающих, угнетенных, которым нужны забота, помощь, твое личное соучастие. Только тогда, когда ты поделишься своей добротой, умом, деньгами, трудом, временем, состраданием с другим человеком, только тогда можно осознать себя счастливым. Кусок хлеба, съеденный под одеялом, не так сладок, как поделенный с другом.

«ВРЕМЯ ЖИТЬ ВМЕСТЕ». НАЧАЛО

Наталья и Владимир подумали, что будет, если силы и средства иссякнут (к этому все шло), как они будут оказывать помощь и дальше? Значит, надо использовать свои профессиональные способности и создать газету, привлекающую, обучающую, мобилизующую других людей помогать друг другу, но в особенности тем, кому без постороннего участия выживать очень сложно.

Сердце быстро отозвалось на этот посыл и вскоре полностью завладело Наташей. «Хочу добра и света! Хочу находить простых людей с чуткой душой, с благородными поступками, сама хочу окунуться в этот светлый родник христианской любви! «Носите бремена друг друга» — сказано в Писаниях, и это будет то, ради чего не жалко ни сил, ни денег. Если деньги получены от газеты — то пусть они и уйдут на продолжение журналистского труда. «Хватит клясть тьму, лучше зажги свою маленькую свечку!» — сказал когда-то давно Конфуций, но разве это не актуально и поныне?

Ей часто приходилось бывать на разных конференциях, посвященных сиротству, да и собственный опыт помощи детскому дому к чему-то взывал. Сколько раз там с надрывом произносились такие фразы: «Нас никто не слышит!» Или: «Мы делаем много важных дел, но со стороны СМИ к нам нет никакого интереса!» И еще: «Мы словно в коконе — к людям без СМИ не добраться!» На очередной очень представительной конференции Наталья предложила: «Не надо страдать из-за того, что кого-то умного не пускают на экраны телевизоров, на газетные полосы, давайте сами создадим такую газету!» Ответом на ее слова была такая тишина, словно никто только что не жаловался на отсутствие «медиарупора».

Лишь один человек — баронесса фон Кокс, член Палаты лордов Великобритании — остановила Наталью после конференции и сказала, что «за все время впервые услышала дельное предложение. У нас в маленькой Англии

есть десятки таких изданий — на разные сегменты населения, а у вас ни одного! Как же тогда можно что-то разъяснять людям, пропагандировать милосердие?» К большому сожалению, это был единственный человек, который сразу безоговорочно поддержал ее.

Так родилось название: «Время жить вместе». С мужем они поспорили из-за названия. Он утверждал, что вместо «вместе» надо написать «каждому», но Наталья держалась своего «конька» — вместе и никак иначе! Зарегистрировали ООО, назвали его «Издательский дом «Время жить», а газета стала носить имя «Вместе». Идея названия заключалась в том, что в будущем они смогут выпускать не только одну газету «Вместе», но и другие издания, например, «Время жить в деревне». Понятно о чем. Полезная, необходимая газета для молодых горожан из мегаполисов, которым в крупных городах все «осточертело», и они не прочь вместе с другими товарищами, договорившись заранее, еще живя в городе, уехать в села и деревни. У Натальи была готова эта концепция, она представляла, что на ее призыв возрождать деревни и села откликнутся тысячи горожан, надо только снабдить их хорошими советами, взаимной поддержкой, целевым финансированием. В газете будут не только адреса территорий, где готовы принять их, но и опыт таких поселений в других странах, и услуги специалистов... Плюс к этому надо договориться с губернаторами, с прессой, с банками, чтобы они поддержали эту идею.

Однако, когда юрист принес ей типовой устав деятельности издательского дела, где первой строкой о целях создания ООО стояло «получение прибыли», Наталья приуныла. И это все — рынок, усилия по созданию новых производств, дерзания, неспяние по ночам, поиски новых тем, форм, товаров, услуг — только ради получения прибыли?! Как примитивно, скучно, серо, пошло! И ради этого тратить свою жизнь? Чтобы получить то, что с собою в могилу и не унесешь? Зачем так сознательно «заземлять» жизнь — прекрасную своим порывом, подвигом, талантом, полетом души, вдохновением?! Словом, приехали... Станция называется «Прибыль». А где же прибыль у тех, кто погиб за Родину?

Центральной темой новой газеты был поиск настоящих героев среди россиян. Надо показать, что в стране полно и истинно достойных людей, которые именно из-за этого своего достоинства не нужны современным СМИ. Ключ к газете — все материалы будут подаваться только через судьбы людей, и в первую очередь — детские, потому что настоящим толчком к первому изданию стало именно сиротство. Например, отказался от своего ребенка, даже если у тебя были поводы, знай, что судьба и наказание тебя достанут. И наоборот. Преодолеl искушения, нашел в себе силы остаться человеком — и ты обязательно будешь вознагражден... А сокровенным базисом газеты станут христианские заповеди: нет никого выше Бога, Он един, не сотвори себе кумира, чти мать и отца своего, не убий, не укради, не злословь, не желай чужого...

Еще со времен, когда она была одновременно заместителем главного

редактора еженедельника «Аргументы и факты» и редактором газеты «Есть идея!», ей казалось, что у каждого человека имеется хотя бы одна идея, дорогая, стоящая, которую он пока не может претворить в жизнь, но она так нужна людям! Так и хотелось ей влезть в эту чужую «черепушку» и покопаться в ней в поисках драгоценной мечты. На самом деле разве они не дороже каких-то там жемчугов и алмазов? Это же тоже наше богатство, не менее важное, чем природные ресурсы. А получается так: что в земле — тем дорожим, а что в сердце и в голове людей — то долой! Но самое дорогое на свете — это человек, с его богатейшими возможностями, только помощи им раскрыться!

ПЕРВЫЕ НОМЕРА «ВЖВ»

Идея новой полезной газеты пропитала всю Наталью. Она верила в нее, но не ожидала, какими гранями все последующие годы она будет проявляться перед нею.

Пришлось окунуться в газетное производство. В «АиФе» этим, естественно, занимались другие люди, ей же пришлось все это совмещать в себе: деньги-то шли из своего кармана. Препятствия начались сразу же. За логотипом обратилась к человеку, который когда-то сделал его для «АиФа». Коллектив собрался профессиональный, материалы готовились интересные, и типография была выбрана не случайно. Начальник производства, увидев их первый пилотный номер, сказал, что они сочтут за честь печатать такую газету. Дешевле было бы выпускать ее в черно-белом варианте. Однако менеджер по распространению из «АиФа» посоветовала сразу делать газету в цвете, так как «серые скоро совсем сойдут с прилавков».

Купили офисную мебель, технику — и вперед! Первый номер получился ярким, наполненным хорошими добрыми материалами, без рекламы. Теперь что делать с распространением? Все агентства хотели денег — много и сразу. Точно так, как обещают финансовые пирамиды. А у них не пирамида, а газета «о благородстве, любви и милосердии». Такой подзаголовок предложила коллега, и он долго держался, пугая многих чиновников. В тот период эти слова вызывали раздражение, нигде никакого благородства — все совсем наоборот, никакой любви, кроме плотской, а милосердие было лишь у монахов. Но журналисты умудрялись находить глубокие материалы и сами радовались, читая или записывая их. Это было плюсом, а минусы — донести свой труд до читателя. Да и страна-то огромная!

Распространители предлагали такую схему. Сначала редакция газеты должна внести клиентский сбор — это от 20 до 60 тысяч долларов в зависимости от количества регионов, в которых хотят распространяться, потом они берут в свои киоски по 10 (!!!) экземпляров газеты и «смотрят на продажи».

50 процентов от реализации остается им, а вторая половина — 50 рублей — редакции. Поскольку газет и журналов в киосках полно, надо поддерживать выход газеты пиаром. За пиар тоже нужны серьезные деньги. А чтобы люди захотели за свою десятку купить эту газету, надо было «долбать» им много раз — как это делают по ТВ продавцы зубных паст, шампуней, прокладок, йогуртов и стиральных порошков. Но там индустрия, империя!

А у них? Помимо прочего надо платить зарплату и редактору, и корректору, и дизайнеру-верстальщику, и корреспондентам... Слава Богу, хоть не приходилось платить за офис. Добрые люди — сначала старый знакомый Владимира Лукьяновича — Альберт Анатольевич Лиханов — Председатель Российского детского фонда, а потом президент «Тяжэнергомаш» Владимир Макарович Величко, редкой душевной красоты человек, из чувства глубокого уважения к их труду и в качестве заверения многолетней дружбы с Владимиром Лукьяновичем давали им офис бесплатно. Добрые люди — большая сила. Все это было в центре Москвы в исторических особняках! Повезло так повезло!

НА ВОКЗАЛАХ

В редакции решили вопрос распространения таким оригинальным способом: добираться к читателям они будут бесплатно... Поездом. Да, да. Люди едут в свои города, например, во Владивосток, Пермь, Якутск, Мурманск, Орел и Кинешму... и по дороге читают новую газету! В ней просили читателей не выкидывать прочитанные экземпляры, а довести их до дома и там уже дать почитать другим людям. Делали они это или нет, было неизвестно...

Договорились с несколькими студентами, и в 11 вечера Наташа впервые приехала на своей легковой машине, загруженной под завязку пачками газет, на Казанский вокзал. Оттуда в ночь уходили самые длинные поезда. Длинные в том смысле, что шли они в дальние концы любимой родины... Молодые люди вытаскивали пачки поближе к вагонам. И вот за те 30 минут, которые длилась посадка, надо было попросить проводников взять в вагон по 20–25 газет, их не выкидывать во время пути, а напротив — раздавать или продавать (на их усмотрение) пассажирам.

На вопрос: «Откуда они? О чем они?» сотрудники говорили, что газета о благородстве, любви и милосердии. Некоторые сразу радостно протягивали руки, прося номера, другие в ужасе отшатывались, третьи надеялись, что все здесь будет о плотской любви, так как в ту пору уже появились «Желтая газета», «Очень страшная газета», видимо, они ожидали, что эта из ряда «ищу знакомства». На эту мысль наталкивало название «Время жить вместе». Потом Наташа попросила студентов отвечать, что их выпускает Российский детский фонд и они о проблемах детей-сирот. Первый номер вышел в январе, а тогда стояли сильнейшие морозы, и все они на вокзалах замерзали. Но взялся за гуж

— не говори, что не дуж!

ГАЗЕТА ВЫХОДИТ, НО БАНК ЛОПНУЛ!

Правильно сделали, что журналисты с газетой «Время жить вместе» пошли в народ, начиная не с Москвы (тем более, здесь им не по зубам были огромные цены на распространение), а с самых дальних регионов страны. Вскоре в редакцию пошли письма со словами: «Наконец-то я увидел и прочитал то, о чем давно мечтал...», «Сегодня я уснула счастливой, я поняла, что в нашей стране есть люди, которым не все равно, которые бьются за нас...» Вот в таком духе много откликов из самых разных мест. Все бы ничего, но возникло новое препятствие, видимо, для того, чтобы сломить Наталью, отбросить от нее эту несвоевременную идею.

Удар был нанесен «под дых»! Деньги, полученные за акции, Наташа положила в банк, и они пропали! Это было неожиданно и несправедливо. Банк хорошо работал, но кому-то он не приглянулся. Его быстро обанкротили, президент КБ «Диалог-Оптима» Александр Поляков обещал всем вернуть их деньги, но... у него не получилось.

Это был какой-то знак. Может быть и такой: не делай эту газету! Или такой: посмотрим, насколько твердо твое желание выпускать ее. С деньгами, дескать, и дурак справится... А вот без денег? Хватит ли пороху или нет? А если мы оставим тебя и без денег, и без поддержки?

Вместе с другими вкладчиками Наташа наседала на банк, требуя возвращения денег. А когда банк давал какие-то деньги, они радовалась, что выпустят еще один номер. Обращались к чиновникам, в различные партии и в заинтересованные структуры. Например, проводится в Москве Форум доноров (благотворителей). Несколько раз Наташа им предлагала: «Вот есть орган, так давайте действовать сообща, для этого мы и создали газету и назвали ее «Вместе». Нет. Они молчат, словно не слышат их. Газете важна была и тема технологий добра. Почему? — Первое, чтобы люди знали, что это в стране делается; второе, чтобы люди узнали и взяли себе в пример, как это делается. Третье, чтобы люди могли присоединиться к тем, кто уже умеет это делать. По правде говоря, это центральная тема газеты.

ВСТРЕЧА С ПУТИНЫМ

Неожиданно в декабре 2004 года Наташа получает приглашение на встречу с президентом, она посвящается Дню единства. Наташа на всякий

случай заготовила письмо о своей газете, в котором просила о помощи. Народу было много — человек триста пятьдесят. Всех усадили за красиво и вкусно сервированные круглые столы. Путин выступил, поздравил всех. Потом его обступили люди, и каждый что-то свое говорил. Наташа стояла у него за спиной и уже не думала, что ее письмо пригодится. Неожиданно Путин повернулся и оказался как раз напротив нее. Они пожали друг другу руки, Наталья сказала, что выпускает новую газету с такой-то тематикой, он ответил, что это актуально и даже замечательно. Наталья добавила, что есть проблемы, но: «Сейчас я не буду грузить ими Вас, лучше передам письмо». Он ответил, что «это мудрое решение» и стал слушать других.

Через некоторое время они узнали, какая резолюция на письме. Суть ее — обратить внимание, пригласить в администрацию для переговоров. Вскоре позвонили и попросили сделать более подробное письмо. Разумеется, его сделали, передали. Потом долгий молчок.

Через месяц, не дождавшись вестей, узнали в Управлении делами президента, у кого письмо. Это была радостная весточка. Ее письмо находилось у давнего — еще по работе в кремлевском пуле — коллеги. Потом он стал чиновником, и вот письмо у него на столе. Наташа звонит ему и спрашивает, какова будет его дальнейшая судьба. Ответ женщину совсем удручил:

— Да никакая. Ни на что не надейся — это я тебе правду говорю, — сообщает он.

— Послушай, но ведь на письме же хорошая резолюция! — удивилась Наташа. (Им ее в Управделами зачитали.)

— Это еще ничего не значит. Советую тебе — не надейся зря, береги свое здоровье. Не обижайся на меня, я тебя уважаю, поэтому говорю тебе все это честно и откровенно.

Потом их позвали в ФАП — Федеральное агентство по печати, но тоже сразу же предупредили, чтобы они ни на что не надеялись. Денег нет. А если очень хотите получить хоть что-то — участвуйте в конкурсе.

Суть конкурса Наташе объяснили сотрудницы ФАПа: «Вы называете «лозунг» ваших материалов и он участвует в конкурсе. При этом вам потребуется подготовить огромное количество документов, которые мы будем изучать «под микроскопом» и, как показывает практика, много раз заставлять вас их переделывать. Если ваш «лозунг» победит, то есть понравится большинству в комиссии, вы получите средства не на издание газеты и даже не на очередной номер, а только — вслушайтесь! — на одну статью, и то на ее полиграфические затраты».

— Мы получим пять тысяч рублей? — спрашивает в упор Наташа.

— Может быть немного больше... Понимаете, нам дают деньги, которые надо поделить на тысячи изданий. И мы решаем дать им всем по чуть-чуть...

— Чтобы они заткнулись и больше не обращались?

— Ну в каком-то роде это так.

Понятно, что экономя свои силы и нервы, она не стала и связываться с ФАПом. Все вернулось на круги своя...

...Горячий отклик на газету был получен журналистами только от простых людей. Это были первые ласточки. Письма пошли дивные и все благодарные. Первая радость, что: а) газеты добрались до дальних уголков; б) люди услышали то, что им хотели сказать.

А утром начиналось то же самое. Они собирали интересные материалы о людях, способных на подвиги, рассказывали о семьях, которые взяли приемных детей и благодаря этому поступку стали гораздо счастливей, а их собственные дети — милосерднее и отзывчивее. Давали советы священников, психологов, зарубежных спецов и отечественных историков, рассказывали о судьбах уже взрослых детей-сирот... Кроме того, писали письма в разные инстанции с просьбой о партнерстве, потому что Наташа понимала: еще десяток номеров, и у нее закончатся деньги. Как тогда продолжить начатое дело?

ФАНАТКИ

Наташа напишет эту грустную историю издания своей газеты спустя семь лет после тех событий. Сейчас все это видится немножко по-другому. Но переосмысливая прошлые дела, она возвращается к мысли, что, наверное, по-другому бы не поступила. По прошествии времени она поняла, что тогда был полный облом! Она смотрела на это со стороны и утешала себя, что все по Библии: «Кто был первым, станет последним, а кто был последним — станет первым». Она должна отдать свой долг журналистике за то, что в течение многих лет ей благоприятствовала судьба, подарила замечательные встречи с интересными людьми. Что для нее всегда все двери были открыты. А сейчас они захлопнулись. Да, такое тоже бывает. Время собирать камни и время разбрасывать их. Вот теперь пришла пора отдавать долги. И это — правильно!

Добьется ли она чего? Посмотрим... По сути дела — не должна! Не принято это — сделать дело и насладиться результатом. Одни делают, другие наслаждаются. Да и в Ветхом Завете полно таких примеров, дескать, идите, дорогие моему сердцу израильтяне, и берите тучные города, а Я вам помогу сломить чужое сопротивление... Почему они должны были получить чужое, не сотворенное их руками? — Неизвестно. Конечно, потом ей стало известно, вычитала у Екклесиаста, что «...человеку, который добр перед лицом Его, Он дает мудрость и знание, и радость; а грешнику дает заботу собирать и копить, чтобы после отдать доброму перед лицом Божиим. И это — суета и томление духа!» Делай — будет суета, не делай — тоже будет суета и томление духа. Что тут скажешь? Так Господь сотворил, чтобы не искали на земле никакой

справедливости, здесь ее нет, искать надо только милости Божьей. Словом, надо прилагать свои силы к тому, что можешь делать, а уже от Бога будет зависеть — удачно это будет или нет, а, может быть, и то и другое будет хорошо.

Иностранки — Наташины коллеги по Женскому конгрессу — удивлялись обстоятельствам, связанным с газетой. Идея писать о добрых поступках людей им тоже явно нравилась, они ее безоговорочно одобряли, но поражались тому, что государство не помогает газете, делает вид, что нет их, хотя всех возможных партнеров журналисты уже оповестили, предложили совместно делать этот проект. Женщины видели фото сирот на полосах и соглашались, что только так — через примеры, конкретные жизненные истории — и можно вновь возбудить в людях позитивную друг к другу энергию. Они говорили, что у них, если только кто задумает сделать нужное, полезное дело — его сразу же окружают помощники: чиновники, общественные деятели — все готовы «на руках носить»: делай, дружок, делай, ведь через твой труд еще и другим работа будет. Да и мы, чиновники, через него будем выглядеть «эффективными менеджерами». Неужели у вас в России все так запущено?

— Ох, знали бы вы, сколько людей — миллионы, не побоюсь сказать, хотят что-то доброе, полезное сделать для страны, а им за это — по рукам! По мозгам! По карманам! Не лезь куда не просят, без тебя, дурака, разберемся, — разъясняла им Наташа. — Нашим чиновникам нужны такие «делатели жизни», которые выпрашивали бы у них крохи и заискивающе заглядывали в глаза, а потом, получив копеечку, благодарили, благодарили, как благодетелей... Но все власти боятся объединения людей, особенно на благородной основе. Тогда они — сила! А зачем циничной власти народная сила? Она им помешает красть и мухлевать...

— Что же это у вас так трудно живется?! — удивлялись иностранки. — Всего в России полно, а вы так жадно едите друг друга! Зачем? Почему? Кто вас так испортил? В этом что ли загадочность русской души, что ее никто не поймет и никакими нормальными мерками не измерит? — Они все пытались постичь алгоритм здешних нравов.

У КОГО УМИРАЕТ СЕРДЦЕ?

«Будь ты беден, как сельский учитель, или богат, как Роман Абрамович, будь ты знаменит, как Кобзон, или никому, кроме своей деревни, неведом, будь ты здоров или не очень, но тебе хочется надеяться, что есть люди (хотя бы один человек!), которые в любой момент придут на помощь, поверят тебе и поймут. Надежда на соучастие и сопереживание, защиту от несправедливости, вера в разум человечества всегда с тобой — до самого смертного часа. Без этой надежды зачем жить?» — так думала Наталья, когда создавала свою газету.

Ничто — никакие вещи, карьера, развлечения — не заменит нам этого

ЧУДА. Его Величества Благородства, когда кто-то по зову сердца совершает поступок, жест (даже не подвиг), который озаряет его жизнь новым светом. Разве не чудо, когда душа ликует от глубокой нежности к возлюбленному, тоскует по родному дому или Родине? Когда чье-то (или твое) милосердие к другому возвышает твой дух, наполняет тебя гордостью. Все это приближает нас к Всевышнему, и он, наверное, радуется с нами.

Невозможно прожить и не сделать добра. Но где оно в жизни? Не потому ли несправедливость захлестывает нас, что мы не пользуемся своим главным оружием — добротой, не проявляем немедленную, не рассуждающую помощь, не выражаем сплоченность, когда нас обижают. Почему мы забываем о своей силе, удесятеренной, когда боремся за добро? Нас пытаются приучить к конкуренции, подстрекательству, предательству. Разлагают наших детей, толкая их к неверию, вбивают им в головы, что никто за них не заступится, только ты сам за себя. Это не так. Мы можем и хотим защищать других. Общество сильно своей мощью. Помните, еще не так давно говорили: «Один за всех, все за одного». Но где теперь это правило общежития? Исчезают «общаги», но жизнь требует: ты обязан быть сильным, справедливым и милосердным, если хочешь выжить сам и чтобы выжили твои дети. Поэт сказал: «Если птица не летает, у нее отмирают крылья. Если человек не делает добра, у него умирает сердце».

«ГДЕ ВЫ, НИНКА ДА ВАСЬКИ?»

«Эта проблема волнует меня уже семь лет. Столько лет прошло с того лета, когда мы, две семьи, подружились с деревенскими заброшенными ребятами. Мы отдыхали на Урале, рыбачили, купались, играли со своими детьми, вечерами жгли костры, пели песни. Сначала один десятилетний паренек по имени Васька подбил к нам, а потом привел другого, тоже Ваську, только постарше — четырнадцати лет. Старший жил с дедом, потому как его пьяные родители сгорели вместе с избой. Позже добавились еще трое — Нинка, девяти лет, родители подбросили ее к бабке и много лет не показывались. Ленка и Петька — братья-близнецы от затурканной матери.

Мы их учили по-городскому рыбачить, играть в волейбол, солить грибы, петь песни под гитару. Наши жены их подстригли, немного приодели и даже отучили матюгаться. Эти юные деревенские «бомжата» так быстро приросли к нам, что даже мы, взрослые, с ужасом думали о разлуке.

И вот о чем я все время размышляю: сколько на свете нормальных мужиков — из военных, из интеллигенции, из настоящих рабочих, которые чахнут от реформ, от своей «никому ненужности»! Но это же не так! Они кровно и беспрекословно нужны неустроенной, всеми забытой детворе! Да как бы они сами ожили от дитячьей преданности и любви! Эти «потерянные, списанные по возрасту кадры», какое сумасшедшее важное дело сотворили бы для будущего

страны, да и себе продли бы жизни годков на десять.

Как-то смотрел «Что? Где? Когда?».

И там был вопрос знатокам: какая основная задача старшего поколения, по мнению восточных мудрецов? Ответ такой: первый этап жизни все мы сами учимся, зато на последнем этапе обязательно должны отдать свои знания младшим. А разве мы их отдаем?!

Тогда я не спал всю ночь. И ребят тех вспомнил — Васек, Нинку да близнецов. Если говорить правду, то никогда их не забывал. Вспомнил тот страх отчаяния, тоску в глазах ребят перед нашим отъездом, как будто они теряли все — дружбу, веру, надежду. Мы не переписывались — откуда у деревенских детей конверты да марки? Потом узнали, что ребята подались в город, а что с ними стало — неизвестно. Оборачиваясь на прожитую жизнь, перебираю в памяти сделанное, я вижу, что главным оказался тот месяц дружбы с чужими детьми. И сейчас, найди я их, наверное, роднее никого и не было.

Думаю: и это все? Разве я, другие такие же мужики не могут отогреть своей большой душой маленькие души одиноких людей?» Николай Савельев, Московская область.

ПОДДЕРЖКИ НЕТ

Как Наташа переживала от всех свалившихся на них дел, даже мытарств! Если бы не было хоть какого-то просвета, они бы с изданием газеты не справились. В середине года на них вышли региональные агентства по распространению. Дальневосточные, из Центральной Сибири, зауральские. Они просили совсем другие (гораздо меньшие) деньги за вхождение в сеть, и с ними подписали договоры. Но они требовали четкого соблюдения графика выхода газеты. Пообещать-то им пообещали, но как это выполнить? Ведь газетные выходы в свет напрямую зависели от денег. Соберет ли Наташа что-то на типографию, вытрясет деньги из банка или нет — этого никто не знал.

Был у Натальи давний знакомый, он когда-то возглавлял Мосгорисполком, много лет был депутатом Госдумы, и их связывали хорошие взаимоотношения. Наташа сказала ему, что стала выпускать такую газету, он ответил, что она очень даже неправильно поступает, если делает это за свои деньги. «Вы же останетесь голой! Другой журналист выбил бы большие деньги на такое нужное издание, потом выпустил бы три плохоньких номерочка и в конце заявил бы, что это оказалось делом никому не нужным, а деньги прикарманил...»

Так «учил» он ее уму-разуму, однако для Натальи такой подход к важному делу был неприемлем. Но эта ситуация запала ему в сердце, и он в Думе многим говорил о газете, давал кое-кому Наташины телефоны. Но толку

не было никакого! Встречалась она и с депутатками по социальным вопросам, по семье, по детству, которые красиво вещали с трибун о том, что и как надо сделать и снова жаловались, что им не хватает «гудка». Им Наташа тоже предлагала— поддержите газету, а она будет писать и о ваших полезных делах. Увы!

«Ободришь, усталый путник! Положись на Мою заботливую руку о тебе! Ты видишь, что разными путями веду Я каждую душу христианскую к спасению. И тебя также, даже в одиннадцатый час жизни твоей, веду я особым путем. Следуй за Мною». Это строки из проникновенного Божьего гласа, который открылся преподобному Серафиму Вырицкому. Все это так и называется «От Меня это было...» То есть все наши скорби — крест руки Христовой. И это примиряет с действительностью.

«ОХ, РЕБЯТА, ВСЕ НЕ ТАК!»

Наталья болезненно воспринимала все, что происходило за пределами России. Она пыталась отойти от этого, но волны информации захлестывали ее, и будущее виделось мрачным. Она боялась за судьбу своих детей, за судьбу будущего поколения.

Как журналист-профессионал, много лет отдавший этой тематике, она с грустью констатировала, что мир становится однополярным — тяжеловесным, дубиной «демократии» карающим чужие народы. Они задыхаются от невозможности противостоять этому распутившемуся демону. Отсюда — террор, срывание отчаяния и злобы на себе подобных. Местные войны, революции, майданы... Это все оттого, что мелким странам не к кому прильнуть в поиске защиты. Защиту может обеспечить только сильный, добрый и справедливый партнер. Где он? Россия пытается нынче занять эту позицию, но начинает явно не с того конца. Прав был Пушкин, говоривший, что история России «требуется другой мысли, другой формулы, чем «мысль» и «формула» Запада».

Сильной страну делает сильный народ. Философский вопрос: быть или казаться? Сейчас идем по пути «казаться». Наше сознание загаживают мерзостями уже четверть века, на них выросло новое поколение людей, от которого сознательно удаляли такие великие стержни, как вера в Бога и упование на Его милосердие и направляющую руку; как доброе братство, патриотизм.

Тоска, мой друг, тоска! Мы попали в такой период жизни, когда нет примирения между действительностью и своим разумом. Все — против него. И люди, как навоз, как огромная безликая масса, вынуждены все это терпеть, принимать краснобайскую «лапшу» бессовестных управленцев и ждать... чего?

Что когда-то твоя жизнь закончится и этого дальнейшего позора ты не увидишь. Но это мертвый путь.

Сейчас мы потеряли свой основной козырь — добро. Оно стало работать не на свой народ и не на другие, близкие к нам по духу и по территории, а только на клан приближенных к правящей власти. Все. Стоп. Ехали-ехали и... приехали! Распрягайте, хлопцы, коней! Они уже выдохлись.

Конечно, нельзя говорить, что весь народ живет очень плохо. Это неправда. Нет большой войны, оккупации, бомбы не падают на голову, на огородах и в магазинах всего полно, даже те, кто не работает, живут скромно, но сносно. Может быть даже, это не худшее, а лучшее время на этом историческом отрезке. У Солженицына есть такие строки: «Мне стали по сердцу те поры, мне те минуты дороги, те годы жизни, о которых, ища великого, историк небрежно пишет две строки». Пусть две строки, но без войны, без эпидемий, голода, холода, мора. Слава Богу за это благо! Словом, мы живем неплохо, но безрадостно.

И все-таки чувствуется, человек устал от одиночества, он устал бороться за выживание. Он уже понял, что от него ничего не зависит.

Какую бы идею ни внушали ему, как бы ни взывали к чувству патриотизма, а у него самого внутри только одно ощущение: я — жертва. Когда еще Иван Бунин писал: «Я не люблю, о Русь, твоей несмелой тысячелетней рабской нищеты».

Конечно, многим хочется понимать: куда, зачем и с кем идем. И не только понимать, но и душой принимать этот маршрут. Тогда это давало бы нашему вектору движения огромную внутреннюю энергию. Тем более если бы все наши планы были «заточены» под добро. Вот это самый большой мировой дефицит. На него и надо делать ставку. Тогда и экономика заиграла бы разными красками. Сейчас этого драйва нет. А без него как без Святого Духа человек — уже труп. Остались омертвленные вещи — территория, мощная природная кладовая, к которой допущены враги, и бедное население, озлобленное «цыганским манипулированием», в результате которого наше богатство утекает в чужие карманы. Но ворованное добро в кармане не держится. Однако знают ли об этом воры или нет, но они продолжают набивать чужим добром свои бездонные карманы. Корысть ненасытна. От богатства рождается пресыщение, а от пресыщения — наглость.

АЛЬБЕРТ СИТДИКОВ

На юбилейном торжестве Наташиного друга Дмитрия Макарова, где было много коллег, его однокурсников, им предложили послушать пение одного паренька. Он — маленький, некрасивый и даже не особо обаятельный — вышел

и запел. Все сразу же прекратили разговоры, перестали жевать и замерли. Из этого невзрачного молодого человека исходило такое мощное, красивое, бесподобно завораживающее пение, что люди сначала просто онемели, а потом, чуть придя в себя, стали переглядываться и мимикой выражать свой восторг. Когда он исполнил арию «Мистера Икс», шквал аплодисментов потряс зал. Кто это? Откуда этот человек здесь, в ресторане, когда его место в Большом театре или в «Ла Скала»? Почему мы его не знаем?

Все стали просить его исполнить еще что-нибудь, паренек так же блистательно исполнил знаменитую арию «Скажите, девушки...».

Его пение стало событием вечера. Он вышел к ним невзрачным человеком, а ушел покорителем сердец, признавших его гениальным певцом. Он так преобразился, что сразу стал прекраснее всех красавцев мира. Что за наваждение от таланта? Пение незнакомца звучало в ушах, и Наташа пыталась узнать, кто это?

Выяснила. Окончил консерваторию, был признан лучшим выпускником, но... не мог никуда устроиться на певческую работу и в бригаде кустарей ездит по квартирам и собирает мебель. Таким примитивным образом он вынужден зарабатывать на жизнь своей семье. Он по большой любви женился на сокурснице и уже появился ребенок.

Боже, Боже, Ты даришь человеку такой щедрый дар, ведь ясно, что никаким иным путем, никакой консерваторией не разовьешь такой мощный и чарующий голос! Но почему же ставишь преграды — делаешь таким трудным его путь на сцену — к людям, которые жаждут погрузиться в эту нежную и очищающую душу музыку?! Наташа часто ставит его диск и внутри у нее все поет и ликует: «Какая сила! Какой талант! Как такая музыка нужна людям, чтоб задумались над тем, а кто такие мы сами? Если нет у нас подобного таланта, так хотя бы была любовь и доброта к тем, кто им наделен и дарит его нам, бесталанным!»

Уже потеряли Муслима Магомаева, которому в зрелых годах не давали выступать, никуда не приглашали, чтобы на его фоне не было очевидно ничтожество нынешних певцов. А когда его не стало — раньше срока ушел не от болезни, а от тоски, от неостребованности, от забытости и пренебрежения, — все стали слезы лить и дифирамбы петь: «Какой голос! Какая мощь!» Злодеи и лицемеры... Как же богата ими наша земля!

Слушатели прониклись глубочайшим уважением к этому парню. Нет, не правильно собирать мебель и забивать гвозди хрустальной вазой, но жить-то реально как-то надо? Ему ли ходить по продюсерам и упрашивать всякую «шелупень»: «Прослушайте меня, может быть, возьмете в какую-нибудь программу?» Да их мозги и оценить его талант не способны! Им шлягеры подавай типа «Зайнька ты мой».

И вот программа «Голос». На сцене — Александр Альберт. Зал неистовствует, жюри в восторге, пробуют петь вместе с ним — полный провал

против его голоса. Ему говорят, что ты уже состоялся как артист, с тобой уже нет смысла работать. И флаг тебе в руки! А что ему с этим флагом делать? Снова собирать мебель?!

Хочется помочь ему. Россия, страна моя, что ж ты давишь таланты? Разве так уж много их у тебя?! Боже, Ты сам все знаешь и ведаешь, так помоги же Альберту! Своим пением он прославляет Тебя, Милосердного Бога. Дай ему возможность спеть на весь мир!

Не чтит, к сожалению, страна тех, кто своим талантом, выдающимися способностями прославлял наш народ. Имен и примеров не счесть. Было, пожалуй, мало тех, кто бы не столкнулся с вопиющими гонениями на свою одаренность — завистью коллег, бешенством властей (чиновников), ненавидящих «штучный товар», не позволяющих миру узнать и полюбить этих необыкновенных русских, «поцелованных Богом в темечко». Страна не позволила многим талантам раскрыть миру свои души, донести туда такую силу вдохновения, которая высекала бы к России любовь иностранцев. Вот где была дорога к храму!

«ЧТО ЗА МИР БЕЗ МИРА?»

Так назвала свое письмо в газету молодая девушка. «Мы живем в мире, в огромном мире. Но слово «мир» можно забыть, ибо это XXI век. Деньги, власть, свобода — вот что нужно современному человеку. Сейчас убить человека... так, раз плюнуть.

Старики говорят о совести, будто у молодежи ее нет. В XXI веке совесть запрятана в самый далекий угол души человека. Но стоит сотрясти мир взрывом адского отношения к детям или взрослым, как совесть пробуждается. Вспомните трагедию в Беслане или 11 сентября в США, захваты и падение авиалайнеров — ужасно, но именно эти трагедии объединили людей, человечество.

Мне 17 лет. Три года назад погибла моя первая и последняя любовь. Говорят, что первая любовь самая сильная, и помнишь ее всю жизнь. Это верно!

Но самое главное, его убил такой же молодой двадцатилетний парень, буквально на моих глазах. Ужасное ощущение беспомощности, понимание, что вот на твоих собственных руках умер тот, ради которого ты жила. Ему было всего девятнадцать лет. Это глупо, но я постоянно вижу сон с его глазами. Черные глаза смотрели на меня до конца, в них не было боли, боязни вечной жизни в мире теней, он ушел из жизни, держа меня за руку. Трудно осознать все происходящее. Это было со мной. А сколько в мире таких случаев! Ответьте мне, почему так легко убивать себе подобного? После моей потери я поняла, что не живу, а существую. Жизнь остановилась, и нет человека, ради которого

хотелось бы жить.

Люди!!! Я призываю вас к доброте. Город жесток, но не надо переходить, нарушать заповедь «Не убий». Спасибо за то, что ваша газета существует. Я читала и плакала, как все знакомо, близко — жизнь такая... Катя, Москва»

Вот такое пронзительное письмо молодой души, столкнувшейся со злом. Чем ей помочь? — Только смирением, пониманием, что на все воля Божия!

СТАРИК И ЮНОШИ

Один пожилой человек (специально из Питера приехал в редакцию газеты «Время жить вместе», вот фамилию его не запомнили, запись не нашли), рассказывал: «Когда я попал в армию и стал сержантом, мне досталось самое тяжелое подразделение. «Отморозки», сказали бы сейчас. Но я начал беседовать с ними, убеждать: «Вась, ну ты посмотри на себя — грубый, хамоватый. А ведь родина именно тебя выбрала своим защитником. Огромная страна, миллионы людей за твоей спиной! Они верят тебе, поэтому спокойно спят. Тебе доверено все добро страны: заводы, города, села, люди! Ты должен соответствовать этому. Понимаешь, каким ты должен быть красивым, сильным, умным, добрым и грамотным, чтобы не подвести Родину?! А вспомни родителей! Разве для того тебя мать рожала, заботилась, чтобы ты был рохлей и хамом? Нет, она хочет и должна гордиться тобой, и все девушки, друзья тоже. Ты герой, ты пример другим, ты достоин этой прекрасной жизни».

Из вечера в вечер я беседовал с ребятами, и к концу службы у меня было самое лучшее подразделение. Потом я много лет преподавал в военном училище и всюду старался вдохнуть в детей веру в их избранность, в то, что они необходимы Отечеству. И как же быстро и сильно они преображались! Какими уверенными становились, что я сам диву давался. Чудо, настоящее чудо! Причем они неожиданно оказывались глубокими, думающими людьми. И только недавно я сам понял, что то, чем я занимался с ребятами, называется патриотическим воспитанием. Сейчас, слышал, это понятие осуждается, на него наклеили разные ярлыки типа «национализм», «шовинизм», оно якобы не относится к современным. Но как же оно необходимо молодым людям! Без него на каком еще фундаменте строить им свою жизнь?»

Наташа часто вспоминала этого удивительного человека. Его призвали воспитывать людей, и делал он это настолько грамотно, что впору его сделать бы министром образования. Да, да, ведь он преобразовывал молодой народ! Разве нет? Вот так-то, великие политики. Одни разлагают народ, другие собирают. Наталья очень сочувствовала этому мудрому человеку, понимала его настроение. Собственно, оно выражалось в газете, которую они выпускали. Что же в ней было? Вот несколько материалов из первых номеров.

«НАПЛЮЕМ ЛИ МЫ НА СВОЮ ДОЛЮ?»

Наташа продолжала встречаться с людьми, которые ей были интересны. Эти интервью она публиковала в своей газете. Вот ее любимый собеседник — Валентин Распутин. В памяти всплывают его творения: «Живи и помни», «Последний срок», «Деньги для Марии», «Прощание с Матерой»... Нет, не деревенскую жизнь в ее узком понимании узнавали мы из этих произведений, а жизнь, характер, дух народа. Правда, узнавание это оказывалось не всегда приятным: восприятие всего русского, как у любого честного художника, у Валентина Григорьевича неоднозначное. На той встрече они разговаривали о национальном характере.

— Скажите, почему вот русский человек не хочет сам управлять страной?! Где мы видели хотя бы одну область, где люди — добрые, умные — выдвигали бы своего кандидата, талантливого да честного? Ничего подобного — так и будут голосовать за абрамовичей и прочих залетных птиц.

— Сейчас русского усиленно скоблят со всех сторон, чтобы отыскать и объяснить его недостатки дурной природой. И получается: ни для чего-то доброго он непригоден, и уж, конечно, непригоден управиться с собой. Позвольте, Абрамович выдвинулся в Думу от чукчей, русским он как раз не доверяет. Не доверяет — значит, не рассчитывает их одуричь. Так же, как не доверяют им ни Березовский, ни Кобзон, ни другие «бедные безродные». Значит, с политграмотой у русских становится лучше.

— Чего же мы их не двигаем во власть?! Взятка — это тоже привнесенная, не наша национальная черта? Лучше грех на душу возьму, чем честно заработаю те же деньги?

— Где в России найти работу и живые деньги? Пол-России сидит без постоянной работы из-за разрушенного хозяйства, в деревнях пенсию до последнего времени выплачивали крупой да солью. Может быть, в Подмосковье на обслуживании бесчисленного числа богачей, так? На живые деньги скупаются дворцы на лазурных берегах и райских островах.

Рыба гниет с головы. Вы лучше меня информированы и знаете, на какие доходы правящей российской камарильей скупаются дворцы по всему миру и из какого теста лепятся Чубайсы. А уж на старших глядя... При Столыпине взяточничеству в России была объявлена беспощадная война, и эмигранты удивлялись разгулу взяточничества, в сравнении с Россией, в Европе.

— Почему, что бы ни происходило в управлении нами, мы все безропотно терпим? Если что не нравится — то измени! Что ж это за непротивление злу? Или, может, и терпение стало производным от наплевательства на свою жизнь, от лени изменить свою долю?!

— Не есть ли терпение — способ убедиться в том, что нужно принимать такое решение, а не другое? Может быть, долго запрягать — это совсем и неплохо? Нам с вами не дано знать, выигрышей или проигрышей стоит это

долгое запрягание. Наше запрягание, слава Богу, кончилось. Вспомните выборгскую историю, когда рабочие вернули себе украденный целлюлозный комбинат. Этот народный почин — как волевое действие — не остался единичным. Так что — поехали!

— Сколько раз видела, как работает наш мужик. Надо перенести тяжесть, он так нагрузит свою спину, что даже кряхтит. Еле-еле перенес, потом сел, хватается за спину — сорвал ее уже давно, хватается за сигарету, матерится... Зачем так надрываться — рывком, а потом час сидеть — отдыхать от того напряжения? Можно же было то же самое сделать помаленьку, без надрыва и долгого отдыха... Что с ним такое?

— Да, русский человек не умеет беречь себя. Пока он на ногах, к врачу не пойдет и о здоровье хлопотать не будет. Он не умеет и ценить себя. В его спешке, в том, что хватается за самое тяжелое, выбирает самое опасное, в неупорядоченной жизни есть какая-то жертвенная струна, звучащая постоянно. Он словно бы обманут, ибо задумывался Творцом и приходил в мир с иной целью, нежели предлагается здесь, и для другой жизни, нежели сложилась на земле. Я не уверен, что устремлен он к Царствию Божию, по грехам этого не скажешь, но к чему-то, помимо земного пути, стремится, торопится жить и не принимает тесные формы жизни.

— Часто замечала, что и зарабатывать он не любит, словно и не нужны ему эти деньги. Зовешь на какую-то работу — еле дозовешься...

— Культа денег у нас не было. Потому что наша бедность стояла на богатстве, которое долго не давалось. Бедность по-своему услаждает нашу душу, что видно и по народным песням, и по песням духовным. Потому что позади у нас три века монгольского ига и почти три века крепостного права, когда выделиться, зажить лучше окружения можно было или прислужничеством, или нечестным промыслом. Позади у нас община и колхозы, артели и бригады, где шел, в сущности, подушный расчет. (Каждому — по серже.) Наше чувство справедливости веками утверждалось общим благом, вопросы землепользования решались миром, всеми. И психологию народа в два счета ни долларом, ни общественным кувырканием не переделать, она уходит корнями в те глубины, когда только еще закладывался наш характер.

Нормальному, здоровому человеку хватало скромного достатка. Это, кстати, необходимейшее нравственное и физическое условие продолжения жизни человечества. Русский человек приходил к истине, что хищничество убьет человека, что ограниченное право на богатство имеют лишь те, кто способен многократно трудиться над восполнением нравственных и духовных ценностей. Жалость к падшему, к бедному, к страждущему — эту черту у нас не отнять. И поплачем вместе, и рубаху с себя снимем.

— Откуда идет загадочность нашей души? Почему мы так непонятны остальному миру?

— Суть нашего характера — суть географических, а также исторических

условий. Максимализм нашей души — от неоглядных просторов, испытующих желания и волю: нам или все, или ничего, на половину мы не согласны. Обратная сторона всякой положительной черты — вероятно, от резкой смены климата, а отсюда — нередко затраченного впустую труда. Наша порывистость — от необходимости успеть, уложиться в короткие сроки. У нас и сама природа порывиста: рассветает за день, блекнет за ночь. Завтрашний день у нас постоянно был ненадежен. За четыре века Русь двести пятьдесят раз отражала внешние нашествия, за последующие пятьсот лет она провела в войнах почти триста. Еще и в конце XVIII века на азиатских рынках торговали русскими невольниками. Эта практика возобновилась сейчас в Чечне. Занимая большие площади в Европе и Азии, мы не Европа и не Азия. Вторая раздвоенность — психическая, между святостью и стихией, между небом и землей. Третья: мы не рождены для материального порядка вещей, но и не утвердили духовный.

Но если мы так прочны, так нравственно безобразны, настолько не годны для соседства и дружбы, отчего ж тогда десятки и сотни умнейших людей Европы искали утешение и видели надежду в России? Почему душу, хоть и загадочную, ищут здесь? Не потому ли, что, несмотря на все свои недостатки, отвечает русский человек главному замыслу вообще о человеке? Один лесковский герой так и говорит: «А ты не грусти. Чужие земли похвалой стоят, а наша и хайкой крепка будет».

Вот такой получился откровенный разговор с Распутиным.

В ВОТЧИНЕ ЧУБАЙСА

Денег на газету не было, и пришлось сократить несколько сотрудников. Но объем-то работ остался прежним! Наташа уговорила перейти к ним в редакцию свою дочь, которую перетянула с ее работы, где она пиарила товары «Сименс» и «Бош». Там у нее была хорошая зарплата. А здесь? «А здесь — социально необходимая работа. Это важнее зарплаты», — убеждала ее мать. Даша постепенно втянулась в газетное дело и оказалась очень нужным работником.

Однажды Владимир Лукьянович встретился с Яковом Уринсоном — замом Чубайса в РАО ЕЭС, когда-то они вместе работали. Тот спросил его о делах, о жене (он знал Наталью), и В.Л. рассказал о газете и о том, что они там «зашиваются»...

Яков Уринсон пообещал помочь и пригласил Наташу на встречу с Леонидом Гозманом. Теперь он большой оппозиционер, возглавляет левый блок. Тогда курировал в РАО ЕЭС общественные связи. Наташа пришла к нему с газетами — их уже было больше десятка номеров: как иначе показать свой «товар лицом»?

Он взял красочные номера и как только увидел на первой полосе портрет Солженицына, в другом номере — Валентина Распутина, дальше Владимира Крупина — поэта и писателя, сразу же зашипел: «Это же наши враги! Вы понимаете? Мы боремся с ними! Мы ненавидим их! Если вы их выносите на первые полосы, значит это ваши знамена! Нам не нужна такая газета и уж тем более поддерживать вас мы никогда и ни за что не будем!»

Наташа тогда тоже много резкого высказала ему. Они сильно поскандалили, речь уже шла не о газете — Бог с ней! — а о политике и морали. Дескать, какого черта вы живете в России и поносите ее?! И какие ж тогда у вас знамена?! Цвета американского флага?!

Словом, было все правильно и ясно. Она окончательно поняла, что на самом деле никому, кроме простых людей, они не нужны. А в это время люди подписывались на газету, присылали письма с рассказами о своей жизни и интересными историями. Подписчикам газету посылали в конвертах, и когда выходил свежий номер, кабинет распространения весь был завален ими.

Как-то раз Наташа увидела, что на конверте стоит адрес: г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев... Смотрит — в другой пачке тот же адрес. Листает стопку конвертов, и снова аналогичный адрес.

— Это что такое? — строго спросила она сотрудницу. — Вы совсем переутомились — по одному адресу высылать несколько одинаковых газет?

— Да нет же, город, улица одни и те же, но дома, квартиры и адресаты разные! И у нас много таких случаев. Газета попала в руки одному, он дал ее почитать другому — так и появились наши «кустовые» подписчики.

И таких «кустов» на самом деле были десятки! Кустанайская, Магаданская, Омская, Пермская области плюс Тува, Якутия, Чукотка, Мордовия... Было радостно, что газеты с названием «Время жить вместе» дошли туда! И нашли отклик в сердцах этих людей.

«СПАСИ И СПАСЕШЬСЯ»

Наталье были интересны и рассуждения другого хорошего человека — Владимира Крупина, поэта и писателя. Его тоже публиковали в новой газете.

«Вчера я был ребенком — сегодня я старик. Вот и все, измучились мои глаза глядеть на людей и на себя среди них. Уйду за далекую линию горизонта, лягу на край кладбища, на зеленой лужайке, и буду лежать среди цветов под березой и облаками. Куда ушла жизнь, куда утекла, с какой водой, каким дождем пролилась на сухой песок? Из земли я пришел — и в землю уйду. Был прах — и буду прах. Зачем я приподнимал свою голову над землей, что увидел, что понял? Видел я землю и понял, что самое главное, что дал нам Господь —

это земля. Жить можно только на земле и спасти можно только землю. Как истосковавшиеся в плавании моряки во все глаза всматриваются в край водной стихии, как ликующе кричит смотрящий: «Земля!», так мы тянемся к земле.

Кто вырос на земле, тому объяснять не надо. Тот, кто вырос на асфальте, кто однажды видел росток травы, пробивший мостовую, понимает, что сила в земле. Им земля наша — не только поилица-кормилица, она душа и сердце всего живого. «Добра мать для своих детей, а земля — для всех людей», — говорит русская пословица. А мы, дети земли, живем по другой пословице: «Материнское сердце — в детях, а детское — в камне». Ни к кому — ни к животным, ни к машинам, ни к друг другу, ни к кому мы так плохо не относимся, как к земле. Едешь в поезде, глянешь в окно, и сразу понимаешь: подъезжаем к станции — свалки мусора, ржавое железо, содрана бульдозером кожа земли, бесконечный бетон, бесконечно прижимающий и убивающий все живое под собой.

А разве нам не говорили древние: осторожнее к земле, в ней ростки жизни! Земля не выдерживает уже нашего к ней отношения: взрывается газ в шахтах, падают самолеты, случаются землетрясения — все по Писанию. Святитель Иоанн Златоуст ставил в прямую зависимость урожай на земле и нравственность людей. За что нас кормить, когда мы такие иждивенцы, когда мы стегаем землю химией. Как мы стегаем кнутом измученную лошадь. Сколько она еще протащит непосильную тяжесть? Может быть, даже то, что многие поля не засеваются, вызвано мольбой самой земли ко Всевышнему: Дай, Господи, отдохнуть.

Единственное, что нас хоть немного оправдывает, — это наша забота об украшении земли на тех несчастных сотках, которые даны нам, чтобы мы в поте лица добывали себе пропитание. Это и есть тот самый пот лица, назначенный нам Господом. Ведь и в райском саду надо было что-то делать, собирать плоды, кормить прирученных зверей, и всего-навсего было запрещено есть плоды с одного дерева. С одного, а кругом — тысячи, и все плодоносят. И не выдержали искушения первые люди, Ева — от Змия, а Адам — от Евы, вкусили запретного плода. И уже долгие века мы мучаемся прародительским грехом, прибавляя к нему и собственные. Такое впечатление, что ошутимее всего мы освобождаемся от грехов, когда работаем на земле.

Теперь уже не то время, чтобы считать себя спасенным, если ты за всю жизнь посадишь хотя бы одно дерево. Одно? Сотни нужны, сотни. Вот пустырь, а ведь это земля от сада. Вот помойка, а это место для клумбы. Бесконечные ленты репья вдоль дороги, а ведь здесь надо цвести шиповнику. Сажавший деревья знает тот счастливый момент, когда ты утаптываешь землю вокруг стволика, а твой сын принес воды. Вот и привязали дерево к палочке, полили воды. Вроде все, а уходить не хочется: какая у этой крошки долгая, тяжелая жизнь. Но разве не ее листья будут лепетать под легким ветерком невнятные для нас, но понятные природе слова благодарности нам, уже ушедшим в землю.

Не спасешься, пока не будешь спасать то, что тебе доверено. Вот тот клочок земли, который тебе доверен — спаси его. Твой сад, твой огород, ведь ты даже зимой постоянно о нем думаешь. А не ты один о нем помнишь, вот скворцы, ласточки, они сейчас в Африке. Но они скоро вернуться. Снег ложится на землю, но и он растает, уйдет к корням, напоит их. И солнце обогреет, и дождь придет в свое время, и сколько благодати, и все от Бога, и все из земли, и все в землю».

ЧУЖАЯ ЗЛАЯ ВОЛЯ

Большую реакцию у читателей газеты вызвал и материал в газете об абортах — как сценарий разговора неродившихся детишек, которых вот-вот убьют и они об этом знают. Наташа очень надеялась, что после его прочтения кто-то из молодых не решится на аборт, даст жизнь своему дитяти.

«Они были вдвоем и говорили об убийстве. Говорили спокойно, словно речь шла об усыплении чужой больной собаки. Они были уверены, что я ничего не слышу. Но я слышал все...

Он в который раз объяснял ей, почему я не должен существовать. Она соглашалась, но как-то неуверенно. Они решили мою судьбу, отмерили срок моей жизни. Имели ли они на это право? А я не мог убежать, позвать на помощь... Не мог... Они были уверены в безнаказанности, и я знал, что это не первое их убийство. Я знал многое из того, что было и что будет. Если бы мне была дарована жизнь, это знание незаметно и для них, и для меня исчезло бы из памяти.

Почему я все же на что-то надеюсь? Даже слыша металл в его голосе. Может быть, потому, что слышу ее неуверенность? Ведь скольких детей оставили жить, хотя их тоже хотели умертвить! И мою старшую сестру ведь тоже оставили.

— Что ты переживаешь? — раздраженно говорит он. — Разве мы виноваты? Жизнь такая. Где жить, что есть? Хочешь, чтобы он донашивал чьи-то вещи и рылся в помойках?

Чужая злая воля была сильнее их, и они, того не ведая, выполняли ее. Они знали, что ребенку нужны условия и их труд. А труд — это отнятое приятное безделье. Думая о секундах, они решали вопросы вечности. И не понимали, что моя жизнь — это протест злой воле, борьба с ней, моя смерть — ее торжество.

— Хочешь, чтобы его унижали, потому что он нищий? — продолжал он. — Чтобы он завидовал тем, кто ест вдоволь?

— Но должны же мы когда-нибудь жить лучше, богаче...

— Нет. Так было всегда: богатые и бедные, сытые и голодные, счастливые и несчастные.

Да, так было во все времена. Я это знал. Но почему раньше только Судьба решала, какому зерну упасть в землю, а какому на камень? Неужели древние были такими глупыми? Вряд ли... Они знали, чувствовали главное: чего стоит каждая жизнь, сколько надежд сжато в беременности!

Они пришли туда, где убивают детей. Оказалось, что туда — очередь! Я чувствовал, что она (моя мать) дрожит все сильнее. Хотя, в отличие от меня, она не слышала голоса других детей, которых тоже должны были лишиться жизни. А я очень хорошо слышал трех девочек и одного мальчика.

— Для того, чтобы умереть, нужно сначала родиться, — сказала одна из девочек. — А если умираешь, еще не родившись? Может быть, это не смерть, а что-то другое?

— Но если мы друг друга слышим, значит, мы живы, — возразил я ей.

— А у меня была бы длинная коса и много кукол, как у моей сестры, — тихо сказала другая девочка и вдруг спросила:

— Интересно, а океаны рожают?

— Конечно, — ответил я. — Они ведь живые. Но своих детей они не убивают. Это за них делают люди.

— Значит, люди — преступники?

— Нет, — возразил мальчик, — они находят этому другие названия: недоразумение, необходимость, ошибка...

— Может быть, я сделала что-то плохое, раз меня решили убить? — спросила третья девочка. — И почему душу не подпускают к моему телу?

Никто не знал ответа на этот вопрос.

— Убивает тот, кому безразлична своя жизнь, — откликнулась, наконец, другая девочка.

— Выходит, жить — это плохо? — спросил мальчик. — Но почему так хочется жить?

— Так устроен мир, — подумав, ответил я. — Все живое борется за жизнь.

— А я крещеная, — похвасталась одна из девочек. — Когда маму крестили, я была уже с ней. В церкви так хорошо...

— А я уже успела влюбиться, — похвасталась другая. — В мальчика из соседнего дома. Он тоже еще не родился, но он будет жить...

Девочки начали плакать. Одна из них сквозь слезы спросила:

— В жизни люди бывают из прошлого и из будущего. А мы из какого времени?

— Мы из будущего идем в прошлое. У нас никогда не будет настоящего.

— Но ведь они убивают не только нас, — всхлипывала девочка. — Они убивают и все те поколения, которые последовали бы за нами...

Плач стал громче. Мы чувствовали, что конец близок, страх смерти пронзил наши маленькие тельца.

— Они хоть будут помнить о нас? — спросил мальчик.

— Разве плохое помнят? — горько усмехнулась одна из девочек.

— Выходит, мы плохие?

Ответить на этот вопрос девочка не успела: ее унесли от нас. Потом унесли вторую, третью. Они плакали, просили не убивать их, но никто из взрослых их не слышал. Мы с мальчиком остались одни.

Нам было известно, что происходит там. Но ждали чуда.

— Почему я радуюсь тому, что пока еще здесь? — спрашивал самого себя мальчик. — Радуюсь каждой отсрочке от неминуемого. Может быть, сила жизни и состоит в том, чтобы, зная, все равно надеяться...

Его унесли, я оказался в этой очереди последним. Мне уже не с кем было разделить свой ужас. Чужая злая воля устроила здесь кровавый пир. Страшный ненасытный зверь! Почему никто не воспротивился ему? Я закричал изо всей мочи и пошевелился, причинив маме боль...

Медсестра вошла в операционную и взволновано сказала врачу:

— Последняя отказалась от аборта — говорит, что услышала крик ребенка.

— Галлюцинации, — устало сказала врач и начала стягивать с рук хирургические перчатки. Потом вдруг впервые за весь день улыбнулась:

— Как хорошо, одним человеком на земле будет больше!»

СЕДЬМОЕ ЛЕТО — ДЛЯ СЧАСТЬЯ!

Наташа прочитала в одной из священных книг, что и земле надо давать «передых» раз в семь лет. Так же, как и чтить «субботный» день. Вроде странно: земля «вечно должна» давать урожай — это ее «обязанность». С другой стороны, если посмотреть, то верно, верно: земле тоже надо отдохнуть, как и работающему на ней человеку. Вот собрал он урожай, часть проел, часть сохранил, а хранимое сохранилось и еще на один год. Пришло новое продовольствие на хранение, а там и старого еще полно... Зачем лишнее? Это уже жадность, ну или рачительность. Но неуместная. А человек работал, пахал, сажал, корпел над рассадой, поливал, закрывал, опрыскивал. Словом, он света Божьего не видел из-за этой позиции «кверху попой».

Не любовался он высоким синим небом, не разглядел радугу, не подставил тело под теплые лучи солнца, не провел ребенка по цветущей поляне, не заварил с мятой чай и не понаслаждался неспешным купанием в реке. Да какое там! Он и детей своих «замордовал» работой на земле. Причем до такой степени, что ездить сюда они не хотят! Все лето Господне прошло в суете и маяте. Как жаль, что оно было и ушло... И вспомнить нечего, кроме колорадских жуков... А так — ну одно свободное, счастливое лето за прожитые шесть лет! Соседи поделятся урожаем, да купишь необходимое, в конце концов!

А на следующий год у соседа будет «перекур» с работой, тогда ты ему подкинешь свеженького со своего сада-огорода. Красота! И какая польза от священных книг! Там тебя и утешат, и подбодрят, и намекают, что делать, чтоб не надрываться. Там-то и сказано, что если так повторять постоянно (седьмой год свободный), тогда не будет на земле такой напасти ни с гнусом, ни с вредителями, ни с болезнями, как теперь. Можно проверить.

ПОДВИГ КОЛЕТ ГЛАЗА

Почему они не могли найти поддержку для своей газеты, ведь в ней писалось о благородстве людей, их подвигах? Наталья пришла к такому выводу: она делала добро для добра, а надо было — во имя Господне. Только через Него, через Его благословение и так, и тогда, как и когда Он того захочет. А не так, как захотела Наталья. Это грех своеволия. В Книге Экклесиаста (это часть Библии) она потом прочтет: «Всему свое время, и всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать, время насаждать, и время вырывать посаженное... время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру. Что пользы работающему от того, над чем он трудится?» Значит, тогда было не время. Это с точки зрения высших сил. А с точки зрения мирской — казалось, что подвиг заставляет приподниматься над повседневностью, смотреть дальше, дышать глубже, видеть благодатную перспективу. Но нынче подвиг вроде как никому не нужен, сейчас все происходит вопреки ему: уничтожается культура, выбиваются добро и сердечность. (Как будто пришло время ненавидеть.) Испокон веков на Руси не было большой тяги к богатству, а была — к дружбе и душевному покою. И любовь здесь была дороже всякой выгоды, и за дружбу люди стояли горой. «Бедные, но счастливые».

Сейчас народ заставляют жить по другим канонам. «Ты достоин этого» — красивой жизни (машин, фотомоделей, круизов, вилл) и подразумевается: «иди и возьми». А как это взять — тебе тут же расскажут во всех программах, научат, еще раз повторят те низости, о которых ты вовек не догадался бы. А потом следователи еще подтолкнут статистикой о нераскрытых преступлениях. «Не найден, не раскрыто, в розыске...» С экрана вождь уверяет, что все у него под контролем. В стране даже министерство такое есть (и это не шутка!) «по контролю за оборотом наркотиков». То есть чтобы они там побыстрее оборачивались и побольше прибыли приносили. И ни слова о честном труде, о могучей радости созидания и о доброте нашего народа. Почему? Подвиг показывает пропасть, которая отделяет власть от народа.

«ЛЮБВИ ИСКАЛ Я ВСЮДУ БЕЗ ОТВЕТА...»

Часто Наташа вспоминала слова Поля Элюара: «Повсюду я любви искал, повсюду. Стучал как нищий, но на эти стуки вражда была ответом и проклятья... Искал любви, но не случится чуду. И я домой вернулся одинокий...»

Вот Москва — огромный город, здесь столько людей, которым эта тема по духу должна быть близка, но они не знают о них. Конечно, находились люди, которые приходили в редакцию и брали по 20–50 газет для раздачи своим соседям и коллегам, но тиражи-то были по 20–40 тысяч! Напечатали как-то стенограмму выступлений депутатов по материнскому капиталу. Дали эти большие дебаты на нескольких страницах газеты. Завезли новые номера в Госдуму.

— Ой, спасибо, как хорошо вы все сделали! Дадите нам для избирателей штук сто газет? Мы поедем в свой регион и там их раздадим, — просили депутаты.

— Да можем дать даже тысячу экземпляров, но, пожалуйста, заплатите за них хоть по пять рублей за номер.

(Это меньше, чем стоимость одной только полиграфии.) Другим раздавали бесплатно, но здесь же могут и заплатить — чай, не бедные у нас законодатели!

— Нет, что вы, тогда не надо.

Это был какой-то заколдованный круг. Каждый из читающих называл газету «прекрасной», передавал ее другим людям, но никто не позвонил с вопросом: «Чем я могу вам помочь?»

Выходило так, что подвиг, изложенный в газете, никому не нужен? Более того — он противоположен, так как человек из народа, совершивший его, невольно противопоставлялся бы человеку-стяжателю из власти. Люди не слепые, кого предпочтут при сравнении?

Именно поэтому у Натальи вскоре появился какой-то внутренний азарт, даже драйв. «Эй, вы там, наверху, сладкоголосые птицы обещаний, слабо вам создать сильную, вдохновляющую газету?» Ради эксперимента были посланы письма практически во все организации, соответствующие их профилю. Более того, с такой идеей обращался к ним не «подпольный, никому не ведомый прохиндей»! Натальино имя знала практически вся — особенно политическая и журналистская — Москва. Тем более она не просила денег, она искала надежного партнерства. «Люди, которым это важно и интересно, присоединяйтесь!» Люди удивлялись ее «романтизму и наивности», они хотели финансово выгодный проект, а этот вроде как заведомо не сулил больших денег. А потом — какое тут милосердие, подвиги, сироты, если все наперегонки устремились к наживе?

В числе сотрудников газеты была Наталья Александровна. Раньше она

работала в аналитическом центре в Госдуме, а после ухода на пенсию пришла к ним. Ей поручили развитие газеты, и к кому только она ни ходила, используя уже свои связи! Это была яркая, оптимистичная женщина.

Однажды она пришла в Патриархию и попала к большому чиновнику, отвечающему за связи с общественностью. Она показала (и отдала ему) газеты и попросила разрешить продавать их в православных киосках. Он полистал их, даже кое-что прочитал заинтересованно, а потом решительно отказал.

— Почему? — удивилась сотрудница.

— Мы тоже выпускаем свою прессу, но рядом с вашей она проигрывает. Прихожане будут брать вашу газету, а не наши. А нам же надо свои газеты и журналы продавать...

Наталья Александровна приуныла, а потом спрашивает:

— А если мы вам будем отдавать нашу газету бесплатно — чтобы верующие о нас знали?

— Нет, ничего не получится. Не дам вам и на это согласия. Возьмут бесплатно вашу газету, а наши-то покупать не будут. Так что уж простите, но никак у нас с вами альянса не получится...

Конечно, к ним приходили люди, которые имели проекты, фонды, идеи, но разве можно брать с них деньги, если они сами карабкались по жизни? Они тоже пытались делать какие-то полезные дела и всюду искали поддержку.

СОЮЗНИКОВ ТОЖЕ НЕТ

Много лет назад центральная газета рассказала об одном известном спортсмене. Имя его Шаварш Карапетян, который увидел упавший с моста в озеро троллейбус, не размышляя, бросился в воду и стал спасать женщин, детей, стариков... И в итоге вытащил из беды почти двадцать человек! Потом он слег, долго лежал в больницах, потому как переохладился и наглотался грязной городской воды. Как спортсмен из-за болезней он сошел с дистанции.

Вся многомиллионная страна восхищалась этим бесподобным человеком. Люди засыпали газету письмами, долго обсуждали его героический поступок, желали здоровья, благодарили, благославляли... Случай вышел за пределы СССР, и за рубежом тоже восхищались спортсменом. Как тогда это воодушевило народ, как многим тогда тоже захотелось совершить в жизни и свой подвиг во имя спасения других или всей Родины. А что сейчас? Разве не подвигом надо воспитывать народ? А чем еще? Человеку и тогда и сейчас надо знать, что рядом есть — люди неравнодушные, сердечные, которые стараются делать добрые дела, помогать другим раскрывать таланты...

Есть такая притча. Внучок спрашивает деда: «Что такое добро и зло?» — «Представь себе, — отвечает дед, — что в каждом человеке живут два волка.

Один злой, другой добрый. И они все время ведут между собой борьбу...» — «Ну и кто же побеждает? — Тот, кого ты лучше кормишь», — улыбнулся дед.

«ВЫ ПОКАЗЫВАЕТЕ ДРУГУЮ РОССИЮ»

Но ее детище — газета! Пока это требовало напряжения всех ее сил и средств. Но в то же время приносило радость. Собирая материалы для нее, Наталья погружалась в другой мир: как люди действовали с благородной целью вопреки всему — отсутствию поддержки, ресурсов, негативному отношению окружающих, оценивающих жизнь через призму только финансового успеха. Ведь как сейчас принято считать? — Если ты заработал кучу денег — значит, ты герой, баловень судьбы, удачник в жизни. Все тобой восхищаются, хотя и завидуют. А если ты много работал и ничего не заработал? — Тогда ты — лузер, неудачник. Чего зря дергался, мозги людям пудрил, доказывал, что твое творение кому-то нужно. Кому оно нужно, если ты на этом ничего не заработал, а только потратил свое? Ну и дурак же ты, простофиля...»

Чтобы не быть простофилей, Наталья пошла к своему давнему знакомцу — председателю РСПП (Российский союз промышленников и предпринимателей, а если короче, то олигархов) Аркадию Ивановичу Вольскому. Он сам рос в детдоме и, увидев новую газету, ласково погладил ее по первой полосе рукой и сказал, что обязательно поможет.

На очередном заседании Союза он попросил этих богатых людей поддержать редакцию. Но олигархи сказали, что у них у самих есть благотворительные фонды, и это им совсем не интересно. Вольский в душе сделал ставку на Давида Якобашвили — все-таки он «молочный король». И в рекламе его продукции («Домик в деревне», например) содержатся сентиментальные моменты, как, дескать, обществу дороги теплые взаимоотношения: семья, мир, доброта, любовь. Взрослый человек Аркадий Иванович, зря он «купился» на трогательную рекламу. Увы. Якобашвили сказал, что эти темы его совершенно не трогают. Он не покривил душой, так как первым использовал хитрый прием: продавал деткам пакет молока объемом якобы в 1 литр, а на самом деле там было 900 мл, но стоил он как прежде, когда в нем был литр. Так же и с другими молочными товарами. Потом это перекинулось на злаки и на другие группы его товаров.

Не удалась помощь олигархов, что и следовало ожидать. Да это был бы нонсенс, если бы они поддержали газету, которая пишет и о том, как они всех грабят! Вскоре ушел из жизни Аркадий Иванович Вольский (Царствие ему небесное!) О нем сохранилась светлая память. На его похоронах Наташа встретила с Виктором Владимировичем Геращенко (экс-председателем Центробанка), рассказала ему о своих делах, он тоже пообещал помочь. И снова облом. К кому бы он ее ни посылал, все сначала обещали, брались читать

газету, а затем дружно отказывали. Она не понимала: почему? И это открылось ей через несколько лет! Она должна была приходиться на эти встречи... без своих газет!

У всех, к кому посылал ее Геращенко, денег было «завались», и ради уважения к Гераклу (такое прозвище было у Геращенко), они дали бы их щедрой рукой. Но когда изучали содержание газеты, их желание ее финансировать или даже вступать в партнерство угасало! Почему? — Боялись! Нюхом чувствовали, что газета оппозиционная властям не по форме, а по духу!

Может быть, у них не было ответственности перед своим народом? Не понимали своего долга? И у них когда-нибудь наступит момент, когда надо будет держать ответ перед Богом: а что ты сделал для своей Родины? Обобрал ее? Обманул? Продал? Предал? Или собирал силы, поддерживал, любил и заботился? От Него не укроется ничего! Тебе дали «в долг» жизнь, какой ты вернешь свою душу?

Однажды на работу к Наталье заехал тот знакомый депутат, который в начале нового дела «учил ее уму-разуму», сказав, что свои деньги трогать нельзя, когда и так отдаешь Родине свой труд. Он тоже просил и руководителей партий, и социальные блоки, и даже легкую оппозицию присмотреться к газете. Но реакции — ноль.

— Дайте мне еще ваших газет, — попросил он. Дали номеров пять-шесть, понимая, что ему некогда читать.

— Нет, я все-таки у вас все номера возьму, — сказал он и взял по несколько газет всех вышедших в свет номеров.

Проходит время.

— Ну как, удалось что-нибудь сделать? — спрашивает его Наташа.

— Пока нет, будет очень трудно найти вам партнеров, у вас получается яркая политическая газета, а в политику никто не хочет вмешиваться, — отвечает он.

— Да мы же пишем только о людях, делающих добро! Они строят храмы, берут детей, вылечивают наркоманов, спасают от безработицы деревни... Какая же здесь политика? — парирует Наталья.

— Вот это и есть самая настоящая политика. Вы показываете другую Россию, не ту, в которую тычут пальцем наши «вожди»! Вы противопоставляете этих чинуш и своих героев. Уверен, поэтому вы и не находите себе партнеров. Они вас боятся. Будь какая-то химера — типа дети подземелья и педофилы — деньги без проблем нашлись бы. Но вы выбрали другой путь...

ЛЮБИМ ЛИ МЫ СВОЮ РОДИНУ?

Любить Родину — это любить населяющих ее людей. Но мечтой становится «уехать туда, где нас нет». И не зря это именно русская пословица: «там хорошо, где нас нет». Тут удар надо делать на второй части — «где нас нет», там и хорошо, а где мы есть — там плохо. То есть плохо от нас самих. И нам же самим в том числе плохо, потому что мы где-то уже есть. От себя не убежать, если всюду таскаем за собой плохое. Как в том анекдоте: гость справил свою большую нужду под фикус, этим создав невыносимые условия для хозяев. Хозяин менял квартиры, возил за собой любимый фикус, и всюду ему было плохо. Может, нам тоже надо проверить свои фикусы или выкинуть их?

В этом круге, вопреки разуму, раболепствуем перед любым «кумиром» на троне (нарушая вторую Божью заповедь: не сотвори себе кумира!) «Не сотвори!» То есть пока еще нет кумира, чтобы ему поклоняться, но народ уже тоскует без идола, сотворяет его сам и не удивляется, когда тиран (идол) воздействует на людей подавлением, репрессиями, экономическими удавками, да так, что сил едва хватает только на выживание. Это, видно, в наказание за «кумира».

Наталья часто думала, что древо рода каждого человека корнями уходит в историю государства. То есть все мы вышли из истории и сами станем историей. Но уважаем ли мы историю в том смысле, что она — как мудрый аксакал, учит нас не повторять старых ошибок? Она вопиет: такое уже было, обойдите этот камень на дороге, не расшибитесь! Но что-то мы не чтим ее драгоценных уроков, накопленных нашими же предками, их потом и кровью, их страданиями во имя нас, их потомков.

Но ведь совершенно ясно, что если ты плохо относишься к своему прошлому, то это аукнется в настоящем и в будущем. Это может произойти, так как мы уже видели примеры тому. Как часто не чтим мы тех, кто своим талантом, выдающимися способностями прославлял наш народ. Имен и примеров не счесть. Цирк, балет, несколько художников, музыкантов, певцов и писателей — это избранные властью выбраны лишь для демонстрации того, что и у нас есть искусство. Они как яркая наклейка на запечатанном «невыездном» чемодане.

Любим ли мы своих ученых, если считаем их открытия, усилия и усердие делом не важным и не нужным? Живем по принципу — вот на нефти заработаем и все сами купим, чего там содержать эту армию «кулибиных». И ею пренебрегли, стали бряцать оружием и показывать всем «кузькину мать». И как тут все внутри страны встрепенулись, словно, это не образное выражение непонятно чего, а родная мать! Увидели ее, родимую, наконец эти «кузькины»

дети!

Непонятно почему, но «кузькина мать» точно пришлась по сердцу и кумирам, и многим россиянам. Дескать, теперь есть чем гордиться: мы им покажем, мы им напоедем... За что? — За то, что не ценили нас, не боялись. Неважно, что мы по многим важным жизненным показателям находимся на низких местах на мировом пространстве, неважно, что народ наш, владеющий территорией с огромными богатствами, живет в нищете, но мы гордимся, что можем показать миру кукиш или кузькину мать. И вот это сермяжное, посконное у нас выплеснулось наружу. Возможно, к месту будет такой анекдот. Молодая учительница заходит в третий класс и говорит детям: «Ребята, Бога нет, поэтому вы можете показывать небу кукиш». Все, кроме одного, стали тянуть ручки с кукишем вверх. «Мойша, а ты почему отстаешь?» — «Марьяванна, если Бога нет, то некому показывать кукиш, а если Бог есть, то зачем мне портить с ним отношения?» А зачем мы с миром портим отношения? Мы же знаем, что он есть!

Там, где мы могли бы влегкую взять мировую славу лаской, добродушием, ровным уважительным партнерским отношением, а также налаживанием внутри своей страны собственной достойной жизни, сделавшейся привлекательной и для других, мы снова предпочли «пужалки». Такое уже было. Снова старые ошибки. Миру не хватает позитива. Нет примера такого устройства государства, где человеку (не одному, «которого мы все знаем», не вора́м окруженца́м), а нормальному — честному и трудолюбивому — было бы хорошо, где раскрывались бы таланты каждого, несущего мир в мир! Вот бы и создать его в России — все для этого имеется. Словом, история — эта старуха-мать в полной мере формирует геном человека, общества и государства. Ее надо любить или, по крайней мере, уважительно к ней относиться, чтобы не портить ни с Богом, ни с миром отношения.

У ХРАМА С СОЛЖЕНИЦЫНЫМ

Когда газета сходила в типографии с конвейера и была еще горячей, в цех стекались рабочие из других производств «Молодой гвардии». И ласково глядя Наталье в глаза, спрашивали ее:

— Можно мы возьмем немножко ваших газеток? И в цеху просят, и соседи по дому. Всегда нам ее заказывают, в киосках-то ее не найдешь.

— Берите, — «великодушно» разрешала она. Люди же не знали, что половину тиража редакция раздает бесплатно. Так еще и нанимает людей, которые их развозят по больницам, вузам, крупным компаниям, сетевым магазинам, церквям (где удалось договориться), сбербанкам, библиотекам, школам, театрам.

Один преподаватель написал, что по этой газете он проводил уроки. Брал

реальную ситуацию и просил ребят поразмышлять, как бы они поступили в жизни. Потом он давал им по очереди читать эту газету и они «откликались сердцем».

Был еще один замечательный случай. Напечатали статью Солженицына с критикой на власти. Когда печатали свой выпуск в типографии, одна смена — более опытная — должна была сдать смену другой. Но увидев на первой полосе портрет Солженицына, опытные не захотели сменяться: «Нет, Исаевича мы не доверим никому! Сами подберем цвет, чтобы перед ним не было стыдно!»

Тираж увеличили до 100 тысяч экземпляров и получили его аккуратно тогда, когда вокруг Храма Христа Спасителя, завиваясь в кольца, стояла огромная очередь на поклонение мощам Пантелеймона Целителя. День был замечательный, величественный, солнечный, и Наташа сразу решила, что часть тиража они раздадут в этой очереди.

Люди охотно брали новую газету, разворачивали ее и так часами стояли, погрузившись в чтение. Картина была просто непередаваемая. Наташа смотрела и ее сердце ликовало: пока хватало глаз — вся очередь читала Солженицына! Она жалела, что не сообразила сфотографировать эту уникальную картину. Потом рассказала Солженицыным, и они тоже пожалели, что нет «картинки».

Однажды после подписания номера в свет она спросила у одного из начальников производства, читает ли он эту газету, носит ли ее домой. Он сказал, что читает ее на работе, но домой не несет, так как не хочет, чтобы дочка читала ее. «Они у меня такие жалостливые, сентиментальные. А будут читать вашу газету — все из дома унесут и раздадут. А вы знаете, какие нынче клыки надо иметь, чтобы выжить?»

Наталья подумала, что как раз не клыки нужны — их и так вдоволь, а сострадание, любовь, доброта и порядочность. Вот часть из той статьи Александра Исаевича Солженицына:

«ЧЕМ НАМ ОСТАВЛЕНО ДЫШАТЬ?»

Можно ли назвать хотя бы одно значительное направление государственной жизни, в котором наша власть... не понесла бы жестокого, а то и исторического поражения для России? Но это мало волнует ее, и даже как бы не замечается ею. Она вся в себе. Она упита собою и собою замкнута.

Как в гниющей органике почти невозможно разделить загнившее и еще здоровое, так и в нашем государственном организме отделить хищный бандитизм от собственно российской здоровой власти. При стольких внешних переменах флагов, гербов, лозунгов, самая основная черта прежней, коммунистической власти — полная закрытость от народа и полная безответственность за совершаемое — присуща и нынешнему режиму, никак не в меньшей мере. Между Властью и Народом глубинится пропасть, а Власть не

хочет увидеть ее и осознать, что никакие полки и десятки тысяч охранников не поддерживают ее авторитета. Нынешняя центральная Власть слепо и равнодушно пренебрегает всеми разрушительными процессами, текущими в стране, она живет только собою и для себя. И ей мнится, что так все будет держаться и впредь. Да, влиять на действия (или бездействия) наших властей мы при нынешнем российском режиме полностью устранены.

Из наших властных фигур, даже у лучших, редко-редко у кого ощутишь заботу: как этот сегодняшний шаг уляжется в нашу историю? не будет ли он предательством умерших или будущих поколений? и как он из глубины Истории будет выглядеть? Лишь у единиц. И разве что, у единиц сознание, что власть — это не привилегия, не... самолет со свитой и охранниками, а тяжкий долг, жертвенное, самозабвенное служение... Однако, нынче главный вид власти — денежная власть, она выступает помогущественней власти прямого приказа и Указа. По мудрости нашей «приватизации» почти за бесценок и выращивания коммерческих банков за счет государственной казны, у нас выросла самая решающая из властей...

Отныне без поддержки мощного капитала (а часто и мафиозного, воровского) никто у нас, при нынешнем режиме, уже не доберется до вершин власти, так что приходится пока отказываться от надежд на благоприятный для народа исход в очередных выборах... Ибо они лишены исторического чувства, в ошеломлении от своего неожиданного сверхбогатства надменно уверенные быть вершителями России отныне и вовеки веков. И бесплодно было бы теперь воззвать к их да, их, да таких!, совести...

Страна живет своей пригнетенной жизнью (семья, питание, огород), никак не соприкасаясь с жизнью развязных верхов. У людей полная обезнадеженность во всяких выборах, что могут они принести какое-то добро. Полное равнодушие к государственным делам. Реальных прав маленького человека никто не защищает и не защитит. Во множестве малых городов удушающая безработица, невозможно найти себе применение. Ветераны великой войны, пенсионеры, бывшие жертвы сталинского ГУЛАГа волокут жалкое существование и щурятся, как недавние сопляки раскатывают в иностранных автомобилях и швыряют деньги в кутежах. Да, в этом бесформии общественного поведения есть и наследие от долгого обмирания в коммунистическую эпоху, но новая эпоха впрыснула свою отравно расслабляющую дозу...

Никогда с 20-х годов не было такой крушительной смены психологии, мироощущения, духовных ценностей: лишь в те годы ломался весь мир на глазах, и сейчас. Вся эта жизнь, как она покатила, с хапужными наживщиками, всеми средствами внедряющими мораль: нравственно то, что выгодно. Данное честное слово ничего не стоит, и его не держат. И: честный труд достоин презрения, он не накормит. Эта порча не в годы исправима, и хорошо, если в десятилетия. В атмосфере всеобщего разобщения, где нет дела друг о друге, каждому оставлена своя беда и боль, в атмосфере безнадежности,

безразличия, ничего ненужности, психологической усталости нисходит и к каждому ощущение своей неприменимости, душевная опустошенность, что потерял контроль над собственной жизнью...

«КАНДИДАТКИ В ДЕПУТАТКИ»

Неожиданная весть: Наталью и Дашу Женский конгресс выдвигает кандидатами в депутаты Госдумы! (Приближались выборы в Госдуму 2008 года.) Господи, зачем им это? Тут бы со всеми своими делами «расхлебаться», а не за новое дело браться! Да и почему двоих? Оказывается, Партия справедливости запросила у Конгресса несколько женщин — одну опытную, которую люди знают. Другую — молодую и активную. При этом Наталье и Даше честно заранее сказали, в Думу они все равно не попадут, туда пойдут «особо избранные». А им это и не надо! Они уже знали этих думцев и вовсе не хотели быть на их месте, потому что там пелена — хлеще их испытаний.

Им выдали удостоверения и — больше ничего! Ладно. То есть это было политическим спектаклем, но женщины решили использовать такой момент для раскрутки своей газеты. Будут ее пропагандировать не только словами, но и раздавая людям оставшиеся от каждого тиража экземпляры.

В одно пасмурное и холодное утро конца ноября они нагрузили машину под завязку пачками газет и тронулись в неблизкий путь. Даша баллотировалась по Новгородскому округу, Наталья — по Смоленскому. Наметили свой маршрут, который проходил и по Тверской области. Муж смотрел на них как на одержимых, ему было трудно отпускать одних женщин в темень, снежные заносы, в тяжелую дорожную обстановку... Но они были полны решимости «нести свет добра и милосердия в массы».

Даша была за рулем, а Наташа снова вспомнила, как однажды четырнадцатилетняя дочь стала произносить обвинительную речь о том, почему мы терпим такое воровство в стране? Почему, дескать, ваше поколение такое равнодушное, что позволяет негодьям выкачивать нефть, рубить лес, продавать газ, ведь это все принадлежит и другим поколениям! Там было что-то и еще гневное, но, к сожалению, Наташа уже не помнит что. В памяти осталась реакция сына. Он с восхищением смотрел на сестру, а потом сказал: «Вот дает! Ну прямо депутатка!»

Наташа знала, что дочь уже была готова к тому, что нельзя жить кое-как, что надо отдавать свои способности на важное дело. Она стала работать у них, в газете. Здесь каждый работал за троих, иначе не могли — денег не хватало на основное. Дочери тогда удалось невозможное — она добилась распространения газеты почти во всех регионах, кроме Москвы (из-за алчности агентств по распространению).

Дашу звали на ТВ, на радио — не только выступать, но и работать, но она не порывала с ними. И подготовка материалов, и бухгалтерские, и налоговые дела, и подпись газеты в печать — все это пришлось ей испытать.

И вот они вдвоем с ней совершают интересный марш-бросок. Машину всю залепило снегом, но они ехали, по очереди садясь за руль, а в селах и городках останавливались и раздавали свои газеты. Смысл: читайте о любви и справедливости! Знайте, что на свете они еще существуют! Находите примеры из своей жизни, присылайте нам — мы и о них еще расскажем! Давайте соберем сокровищницу добрых дел россиян!

Дочка разносила эти пачки по почтам, библиотекам, магазинам и просила людей раздавать их своим знакомым. Через день ее сапожки уже насквозь промокли, а в гостиницах, где они останавливались, обувь не успевала просыхать, и тогда она купила себе самые простые сапоги типа «прощай, молодость!». Она была счастлива, что ноги в тепле. Взяв очередную порцию газет, Дарья шла в этих страшных бурках в какое-то село, ее ноги разъезжались в снежной студеной каше. Потом возвращалась, брала еще и снова уходила в темноту. Глядя ей вслед, мать понимала, что Дарья — все-таки неординарная личность, что ей это важно, нужно, и хотя их действия — капля в море, никто, кроме матери этого не поймет и не заметит.

Наташе казалось, что это редкий случай, когда дети спокойно взирали бы, что родители тратят последние деньги не на их будущее, а на что-то утопическое, типа «на благо человечества». И ее дочь могла бы сказать: «Мам, это твой выбор, а мне надо устраивать свою судьбу, встречаться с молодыми парнями, ездить за границу, а не разъезжать по деревням со старыми газетами! Извини». Но поступить так она уже не могла. Сыну Саше тоже Наташина подруга однажды сказала: «Чегой-то вы разрешаете матери тратить деньги на все про все — такое несерьезное?» Саша ответил ей: «Она сама их заработала, сама знает, на что их тратить!» Наташе пересказали это, и она осталась довольна позицией сына.

«ТОЛЬКО НЕ ВЫСТУПАЙТЕ ЗДЕСЬ!»

...Дорога на Новгород была сплошной пробкой. Они еле тянулись в ней, но во все глаза смотрели, куда бы заехать и раздать газеты. Пачки понемногу таяли, а Дарья зорко следила, чтобы в очередной «разнос» попали бы разные номера.

Машина была страшная от грязи, а на каком-то отрезке дороги омыватели стекол в ней замерзли, и они ехали почти вслепую. Муж звонил, требовал, чтобы они вернулись обратно. Но газеты еще оставались, и впереди был неохваченный ими угол России.

Потом они повернули в сторону Смоленска. Повеяло родными местами. Они стали представлять, как приедут к маме-бабушке — и отогреются, и отоспятся.... Газет оставалось все меньше и меньше, и вот они въезжают в Демидов...

Бабушка рада. И ругает их за поездку, и хвалит, что заехали к ней. Наташа только собралась под горячий душ, как раздался звонок от хорошей знакомой, она работает в городской администрации: «Я знаю, что вы приехали, поэтому звоню и прошу вас ни в коем случае не выступать ни перед кем в нашем городе! У нас идет «Единая Россия», а вы из другой партии, так что не портите нам избирателей, а то нас с работы выгонят!»

Тут что-то с Наташей случилось и она ей «врезала»! Сказала, что и думать не думала «перебивать» дорогую их сердцу «Единую Россию», и приехали они, чтобы согреться и перевести дух возле любимого человека. Конечно, звонившая не была виновата, что все они там «под колпаком» и попробуй только уклониться от генерального курса, как сразу лишишься всего. А все у них — это работа! Наталья это понимала, но в тот момент все равно ей было больно и обидно: как же люди закрепощены! С другой стороны — им надо выживать, кормить семьи, им глубоко плевать, какие там партии борются за власть, только бы не мешали этому выживанию. Они правы, правы... Вспоминая сейчас ту поездку, Наталья сравнивает ее с возможной другой — например, поехали бы они на деньги, затраченные на газеты, в Египет, Эмираты, Вьетнам... Ну и что? И так все уже видели, во многих странах побывали. Полежали бы на пляже, пузо погрели бы, набили его заморской жратвой — и что? Что вспомнишь потом хорошего? Разве для того тебе вручена на время жизнь?

«ВАС ПРИЗВАЛИ!»

Вот такими они оказались кандидатками... Муж потом долго обзывал их этими словами «кандидатки в депутатки».

Какую же могущественную силу дает нам вера! С ней ты и в миру, и на войне — не одинок! С тобой всегда Ангелы — братья твои Небесные, они сохранят и наставят, защитят и вразумят, с ними можно общаться, когда между вами вырастет уровень доверия и когда ты сам их попросишь об этом... А за ними, выше — уже твои самые верные родители — Отец и Матерь Небесные. Они не бросят на произвол, не сдадут в детдом, не обидят несправедливым словом... И всегда-всегда будут с тобою, и особенно заботливо тогда, когда твои земные родители уже переберутся в мир Иной. Как хорошо, что Они с нами! И как же счастлив тот, кто в Их существовании не сомневается!

«Настало время откровений. Пришел тот благодатный час, когда пред музой на коленях стоишь ты, рядом твой Пегас. Как Дон Кихот, подняв забрало

и приравняв перо к мечу, пиши. Сейчас поэтов мало. Пиши! Я так того хочу. Пиши про бедных и убогих, о нищете твоей страны, о тех, кто позабыл о Боге, клеветает против старины.

Ты должен так писать, чтоб люди рыдали над твоей строкой. Твои стихи должны, как судьи, карать и звать в священный бой! Оракулы сейчас не в моде, но ты не бойся ярлыков. Я знаю, ты из той породы, кто за народ на все готов. Пиши короче и острее, рази памфлетною строкой, тот, кто поймет, станет мудрее, душевный обретет покой».

Наташа молилась в тишине ночи: «Боже, открой мне тайну, скажи, что я делаю не так. Ты все видишь и все знаешь; ты знаешь, что мои силы на исходе; ты знаешь, что я хотела доброго и полезного дела; знаешь, что я могла сидеть в хорошем кабинете с секретаршей, ездить на служебном автомобиле, получать хорошую зарплату (а не тратить последнее), печататься в большом издании... Один звонок — и я бы попадала к любому чиновнику по любому делу. Открой мне мое предназначение!»

Спустя годы один священник ей сказал: «Вас призвали. А когда призовут — пойдешь, даже побежишь, будешь неистово делать все, что прикажут, невзирая на логику и результат! Это промысел Божий!» — «Призвали, да, я это чувствовала... — отозвалась Наталья. — Но ресурсов-то почему не дали?» — «О, тогда все было бы просто. Тогда это уже не усердие во славу Божию, не подвижничество, а простая работа... Может быть, через ваш труд проверялась ваша искренность и бескорыстность — на самом ли деле они были? А может через это проверялся народ, окружение, оценивался по разным меркам. Значит, так надо было. И вы выполнили этот замысел. Свой, чужой — какая разница?»

Только теперь, спустя годы, Наталья поняла — самые сильные страницы ее жизни были связаны совсем не с тем, как ее где-то чем-то награждали, куда-то в высокие места приглашали, где-то она путешествовала, а совсем наоборот — как преодолевала несправедливости (на ее взгляд), обиды, тяжелые испытания.

В свое время ей еще Солженицын сказал, что и у него самыми счастливыми годами стало время в ГУЛАГе. Вроде ужас! Помилуй и спаси нас, Боже! А вот видишь ли, именно там он что-то такое понял, чего не понимал раньше. Заключение не раз признавались, что ближе к Богу, чем там, они еще нигде не были... Значит, что-то наиважнейшее им там открылось — про мир, про себя, про Всевышнего... Ну и чего после этого Наталья и журналисты хотели? За что бились?

Рассказав о своем пути — самостоятельной борьбе за благое дело, Наташа хотела открыть людям глаза на «сермяжную правду»; предостеречь от подобных попыток идти в одиночку. До сих пор она убеждена: только ВМЕСТЕ, только плечом к плечу — с верой, надеждой и любовью к своему Отечеству, объединившись с патриотически настроенными людьми и прежде всего с позитивной молодежью, люди смогут сохранить свои духовные устои.

Спрашивала Наталья знакомого батюшку, что ж ей так не везет? — «Как не везет? — удивился он.— Мать жива, дети умные, муж добрый, все в родне благополучны, ни в тюрьмах, ни в наркоманах никого нет... Так это ж какая Слава Богу! Ваш труд благодатен Господу, Он и посылает всем вашим близким утешение и покой. Захотели свою мечту воплотить — ну ведь получилось же. Все вашу газету считают прекрасной. Вы не печальтесь трудностям, а радуйтесь...»

СПАСИТЕЛЬНОЕ ОПОЗДАНИЕ

Наташе вспомнилась одна история, рассказанная автором в письме в их редакцию. Никита Заболотнев, банковский служащий, описал свое спасение. «В Мадриде в магазине продавщица долго ковырялась, подбирая мне цифровой фотоаппарат. Я и сам уже был не рад, что связался с ней. Девушка берегла длинные ногти, когда открывала коробки, потом еле шевелилась со сдачей, пакетом, дурацкими презентами. Уходя, я ей даже сказал, что не ее это дело — торговать.

Долго дожидался такси, но к стоянке подошли двое стариков. Один вот-вот рассыплется. Чтобы этого не произошло на моих глазах — уступил им очередь. Они очень благодарили на каком-то своем языке. А следующей машины ждал минут пятнадцать. Ругал и девушку, и даже стариков — хотя те были ни при чем, и, конечно, себя, идиота.

На самолет я все-таки опоздал. По своей же глупости! Нарушились планы, встречи. Затем хлопотал о другом рейсе, сел выпить кофе, как из новостей услышал о катастрофе с моим самолетом. Смятение жуткое, в голове что-то нереальное. Как это так?! Я сижу в Мадриде, пью кофе, клянусь себя за опоздание, а там... тех... моих соседей по рейсу уже нет в живых! Чувство, что меня забыли, но сейчас кто-то начнет меня искать... и найдет, чтобы тоже забрать. Стал звонить в Россию: я жив! Счастью близких не было предела, они уже час, как меня оплакивали. И мой звонок им — как звонок с небес. Лететь самолетом не смог, сдал билет, поехал поездом и всю дорогу думал: за что меня спасли мои ангелы? Ужасно, но ответа не нашел: я такой же, как все, в суете, в кутерьме, в душе ничего особо высокого и светлого.

И тогда я решил — мое спасение дано авансом! Я изменил свою жизнь напрочь. Повенчался с женой и никаких выяснений, споров, ссор уже не допускал. Подружился с детьми (а то вдруг — и нет папки, а ничего важного в душе детей о нем и не останется). Стал чаще бывать с матерью-старушкой. Баловать ее гостинцами, разговорами. К работе, к деньгам потерял былое рвение, а к Богу стал внимательнее. Хожу в храм и все вопрошаю: «За что? За что?» И хочется сделать что-то исключительно важное, большое, чтобы услышать с небес: «Вот за это». Жизнь сейчас чувствую каждой своей клеточкой и ценю каждую свою секунду. Ведь уже три года, как меня могло не быть». И правда — «за что?» Одних «Там» любят, других — серьезно испытывают.

Вот другое письмо, от Алины из Томска. «Родители, берегите себя, чтобы вашим детям не было так невыносимо тяжело без вас. Мои родители пропали в Анголе. Родственники несколько месяцев передавали меня друг другу, все надеясь, что найдутся папа и мама, а затем спихнули в детдом. Он для меня

оказался адом. Я столкнулась с тупой толпой обозленных ребят. Они меня презирали за все. За то, что я знаю иностранные языки, умею играть на пианино, петь, хорошо танцевать и рисовать. Даже за то, что однажды попросила нож к обеду. Все их злило, бесило во мне. Я была, как белая сорока. С издевательством относились ко мне даже воспитатели. Я замкнулась, а сердце мое разрывалось от обиды. До этого я никогда не знала о сиротских домах и думать не могла, что судьба меня загонит сюда. Я не подружилась ни с одной девчонкой. Пыталась, но они тут же разносили мои заграничные секреты по всему детдому. Родственники уговаривали потерпеть, пока наладятся их дела: у одних болел ребенок, у других было мало жилья. Я терпела до тех пор, пока меня не изнасиловал сын директора детдома. И мне некому было пожаловаться.

А потом я сбежала. Попала в одну недобрую компанию, где сначала ко мне отнеслись доброжелательно, а потом снова за мое культурное воспитание стали издеваться. Я никак не могу понять, почему плохо быть культурным человеком: извиняться, если причинил кому-то неудобство, не перебивать, когда кто-то говорит, не ругаться матом, мыть руки перед едой, пользоваться салфеткой, вилкой, ножом? Я теперь не знаю, правильно ли делали мои несчастные родители, когда учили меня быть «маленькой леди»? А что же тогда ожидает других ребят из хороших семей, если их поджидает беда? Сейчас я собираюсь уехать за границу. Нашлись люди (не знаю, добрые или нет), которые подготовили мой отъезд. Еду, как обреченная, не представляю, что ждет меня: счастье или продолжение моих бед. Дети, берегите своих родителей, вас без них ожидает ад». Вот какие судьбы, и о них писала газета «Время жить вместе».

ЧЕТЫРЕ ПРОГРАММЫ НЕ ДЛЯ ВСЕХ

Общаясь с читателями, журналисты газеты поняли, что жажда духовности, боль из-за попрания нравственных основ в стране сумасшедшая. Люди считают, что их унижают тем шквалом гадости, что льется с помощью прессы.

Сокровенные чувства взрослых и детей — совесть, стыд, милосердие, патриотизм, любовь, дружбу — в России предают, топчут в угоду потребительским интересам какой-то сотни или тысячи «вершителей судеб». Этим «оркестрантам» совсем неинтересно показать подвиг — интеллектуальный, трудовой, социальный — наших людей. Им важно внедрить в сознание, что все люди — быдло, и нечего с ними церемониться. Внедрить так глубоко, чтобы и они сами ненавидели свой народ и презрительно о нем отзывались.

В 2007 году появились четыре национальные программы Медведева. О демографии, жилье, сельском хозяйстве и здравоохранении. Все они один к

одному подходили под их газетную тематику. Под рубрики: «Адреса милосердия», «Время жить в деревне», «Честь и бизнес», «Школа выживания», «Живи с душой!», «Не теряй надежды», «Россия без сирот», «Наши таланты», «Будь моя власть», «Отцы и дети», «Держись, Россия!», «Больно!», «Сильные женщины», «Добрые вести». И в них — не попса, а глубокие «духоподъемные» статьи.

Сочувствующие им люди говорили: «Теперь ваш черед радоваться — вы-то над этими программами бьетесь раньше президента. Вам и флаг в руки».

Журналисты обратились в кремлевскую администрацию, в правительство. Ответа никакого. Потом они узнали, кому предстоит освещать эти программы. Естественно, это были все те же СМИ. У них эти материалы были как заплатки на старом сарафане. Ведь тут же рядом — криминал, педофилы, гадалки, девушки по вызову. Какие семейные ценности? Какое нравственное воспитание? Все это дорогая игра с матерыми картежниками. Прошло несколько лет — и где сейчас эти программы? Кто и как их выполняет? — Да никто о них и не вспомнит! (Разве кроме тех, кто хорошо погрел на них свои грязные руки.)

До этого они тоже обращались ко всем силам, якобы заинтересованным в борьбе с негативом, но абсолютно никто ничем не помог... Все это происходило на фоне сплошных разговоров о том, как важна нравственность, что надо достучаться до сердец людей, поднять семейные ценности, побороться за молодежь. А у них в это время вкалывали студенты-журналисты и видели, слышали все это лицемерие.

Половина тиража всегда уходила бесплатно. Региональные распространители охотно брали свежие номера, но не всегда возвращали их стоимость. Когда перешли на подписку, агентства в два с половиной раза увеличивали редакционную цену, чтобы получить свою «маржу». Этим они отрезали значительную часть подписчиков. Потом Наташа стала делать редакционную подписку, но теперь уже «Почта России» обдирает их за пересылку газет по городам и весям. Круг смыкался.

КОМУ-ТО ЖЕ ОНИ НУЖНЫ!

«Найдешь душе отраду» — иногда такие оптимистические слова Наталья относилась и к своему делу. Однажды сотрудники радиостанции «Радио России» летели в командировку на Дальний Восток и попросили у них свежие газеты. Им дали несколько разных номеров. Со словами: «Посмотрите, какую интересную новую газету мы вам привезли», радийцы раздавали там эти номера. Каково же было их удивление, когда в ответ они слышали: «А мы ее уже давно выписываем...»

Еще один их товарищ ездил в США и там совершал морской круиз. Он взял треть чемодана газет. Давал их читать русскоязычным и потом Наталье рассказывал, как его благодарили, хлопали по плечу, приглашали в рестораны или в гости домой. Они хвалили газету за новую, воодушевляющую тематику, за то, что пишет о простых людях, совершающих высокие, даже героические дела и не претендующих ни на славу, ни на ордена — ни на что, кроме новых добрых дел! Этот товарищ потом сказал, что ему было очень неловко, что «горбатятся» Наташины журналисты, а сливки доставались ему.

Журналисты ни разу не получили ни одного гранта, хотя первоначально собирали все документы и отсылали на конкурсы. Когда потом читали списки грантополучателей, выигравших конкурс, то сквозь слезы смеялись. По 500 тысяч, по 750, а то по миллиону рублей получали те, кто брался провести четыре семинара для пятидесяти человек на какую-то не очень важную тему. Или сделать дворовую площадку, или организовать поездку одного автобуса по родному краю... Им бы этих денег с жесточайшей экономией хватило бы на несколько номеров с приличными тиражами. Но увы.

«ВСПОМНИ ХРИСТА!»

Наташа не понимала, почему так мучительно туго идут у них дела. Разве ее газетный труд не угоден стране, обществу? А музей? А Храм?

— Успокойся и вспомни Христа. Разве не мир, любовь и братство Он нес в народ? И что получилось? — «успокаивал» ее муж. — Ты думаешь, что за две тысячи лет народ стал добрее? Или умнее? Если б это было так — мы жили бы в не таком жестоком и агрессивном обществе. Значит, эти идеи сейчас общество просто не воспринимает. Оно не верит, что христовы заповеди сделают человека счастливым. Только деньги способны принести счастье — так считает каждый второй.

— Ну а первый? — спрашивает она.

— А первый хоть и верит в них, но в данном случае думает, что и с помощью твоей газеты его хотят «облапошить». Растопить его сердце, ударить по чувствительности, разжечь милосердие — и украсть то последнее, что он еще имеет. А представить, что взрослая женщина может на свои последние деньги вытворять такую глупость... Нет, они этого ни понять, ни принять не могут. Слишком нереально, а значит, что-то этакое за этим кроется. Что? — Не знают. И как ты им докажешь обратное?

Никак. Но она пойдет своим путем. Раз уж ступила на него. Зная одно: ни один труд не пропадает даром. Раньше или позже — при жизни или за ее рамками, но он будет востребован — иначе зачем кто-то там вверху толкал человека на этот путь? В науке даже отрицательный результат тоже дорогого стоит. А разве может быть отрицательным поиск проявления среди людей

доброты, совестливости, благородства?

Евгений Евтушенко сам ей рассказывал, как он первый раз сдавал в США (куда он переехал жить) налоговую декларацию. Инспектор подержала перед ним его листки и сказала, что впервые в жизни видит такую декларацию. Поэт, естественно, растерялся, подумав, что он написал там что-то неправильно. Но инспекторша ткнула ручкой в строфу «благотворительность», в которой он сделал прочерк, и сурово добавила, что не было человека в Америке, не дававшего деньги — хоть самые маленькие — на нужды сирот, больных или престарелых, или на брошенных кошек, собак, других зверей, или на защиту природы.

Вообще Наташа столкнулась с удивительным парадоксом. Спрашивала человека: «Вспомните и расскажите, что в вашей жизни хорошего, светлого для вас сделали другие люди — родня или чужие?» И ответ, как стандарт: «Мне никто ничего хорошего не делал!» Начинает копаться в его биографии и видит, что случаев таких — десятки! Но к ним отнеслись как к данности. С одной стороны, это хорошо — добро как норма жизни, и ты его даже не выделяешь, не замечаешь. Но, с другой стороны, когда ты сам не «заточен» распространять это добро, дарить радость другим, то вскоре оно само так скукожится, что его уже надо будет искать с лампочкой.

СПАСЕНИЕ ПРИШЛО ОТ КРИЗИСА

День за днем, год за годом они, как бурлаки, делали свое дело. Но... Кризис всех накрыл, прекратил эти газетно-финансовые муки.

И снова — слава Богу за все!

Так поневоле они перешли в разряд интернет-изданий. Конечно, читатель поменялся, помолодел. Их прежние почитатели до сих пор спрашивают, когда выйдет газета в печатном варианте. Им отвечают, хоть через месяц, если кто-то всерьез, по-настоящему, заинтересуется таким необходимым направлением в журналистике.

Но одно дело говорить, другое — делать. Помимо «тотального опустошения своих карманов», Наталья в течение пяти лет вкладывала в газету свой профессиональный труд, время, силы и поэтому имеет полное право сказать многим людям, с трибун вещающим о духовности и нравственности общества: «Не врете, господа! Ничего вам этого не надо! Эта говорильня — не стон вашего сердца, а просто часть вашей работы, за которую вы получаете деньги! Я поняла, что умысел у вас общий и оскорбительный для общества — принизить дух человека, опустить людей в клоаку пороков, превратить их в послушное стадо, не дать возродиться истинному патриотизму и не допустить расцвета России».

«Мне страшно оттого, что вы предлагаете передать власть в руки

населения, — заявил в пылу откровения «среди своих» Герман Греф, глава Сбербанка, а до того — министр экономразвития и торговли, активный поборник за вхождение России в ВТО, которая удавила нашу промышленность. — Как только люди поймут основу своего «я», самоидентифицируются, то манипулировать ими станет чрезвычайно тяжело. Когда у людей есть знания, они не хотят попадать под манипуляции. Вы понимаете, что это такое — снять пелену с глаз миллионов людей и сделать их самодостаточными? Как управлять таким обществом, где все имеют равный доступ к информации? Где получают новости не через обученных правительством аналитиков и политологов, через как бы независимые СМИ? Как нам жить тогда в таком обществе?»

Вот и ответ тебе, Наташа, через десять лет после начала твоей затеи! Отсюда видно, какой чуть ли не животный страх у властей перед народом, который будет обеспечен и самостоятелен? Им позарез нужны педофилы и геи! В стихах об этом было написано: «Судьба грибком идей поражена, И совесть пала перед Господом на плаху, Душа в горниле жизни сожжена, Конец пути! Я загнанная птаха. Несется пляска смерти по стране. Кликуши западные руки потирают, Мигранты толпами стоят в окне И за агонией России наблюдают».

...Сейчас их газету «Время жить вместе» (www.timetolive.ru) читают люди из шестидесяти стран мира, шлют свои необычные истории, размещают комментарии, а телеканалы здесь ищут и находят интересные сюжеты для актуальных программ. Здесь нет гнусной рекламы с отвислыми животами, испорченными ногтями и прочими частями тела, нет и жареных новостей. Публика сюда заходит приличная, образованная — это видно по комментариям.

Так что Наталья совершенно искреннее говорит: «Слава Тебе за тайные и явные милости Твои, за каждый вздох грусти моей! Слава Богу за все! И за скорбь, и за радость!» Слава за то, что избавил ее от больших финансовых трат, ускорил доставку информации к людям и резко увеличил число читателей. Жалко, что в их число не попадает старшее поколение.

НЕ ХВАТАЕТ РОМАНТИКОВ

В России всегда страдали те, кто хотел сказать правду. Это и нынче самая недоступная вещь, такая же непозволительная роскошь, как и свобода. Почему у нас не казнят казнокрадов? Почему свободно — роскошно и широко — гуляют те, кто ворует у государства, приносит страдания народу, обирает людей до нитки, лишая лекарств, жилья, учебы, работы, налагая непосильное бремя тягот и налогов, и платежей на выи трудящихся и даже стариков? Почему на Лобном месте нет их показательной порки? Почему и сейчас, когда треть населения живет в бедности, царь хорош, а бояре — дрянь? Типа царь — это бог, а чиновники — сатана. Разве не царь назначал и «делал» этих бояр — чиновников? И разве нынешняя свита царя — не его избранники? А ведь они

могущественные владельцы страны со всеми ее потрохами, что в земле и на земле. Почему они народу не дают полноценно жить?

Полноценная жизнь — это не просто человеческая любовь, не борьба под ковром, не интриги и бесконечные маневры политических соперников, у одних — с желанием донести хоть кусочек правды до сознания уже обработанных фальшью умов, а у других — скрыть эту правду. Полноценная жизнь — это и не пляски под дудочку власти, отвлекающие стада и готовящие их к закланию, а возможность создать свой храм и проявить свои максимальные таланты во имя Христа и во благо Родине. Это подвиг. Сейчас не модно так говорить — «во благо Родине», но разве не для этого мы живем? А если не для этого — то для чего тогда? Бог, Честь, Родина — какие иные ценности могут быть у необолваненного человека?

Однажды про одного убитого политика сказали: «Он мало чего мог добиться, так как был романтиком». — «А разве циником быть лучше?» — возразила Наталья. И подумала: «А ведь нам как раз не хватает романтиков! Прожженные циники осточертели! Их хамство, наглость, самодовольство, как смертельная петля, захлестнули народ. Их шикование на фоне убогости малых городов и сел, бедности и главное страха перед будущим — напоминает бал сатаны.

Да, нам не хватает романтиков — тех особенных людей, которые приподнимаются над суетой, над расчетливой и вечно «необходимой» циникам ложью, над дележкой «маржи», над «линем отсюда», так как «с этой страной нечего связываться»...

Романтики не ищут коммерческой выгоды, им самим хочется всего себя отдавать по полной программе. Поэтому именно они, прозябая в бедности, двигают науку, пишут стихи, сочиняют симфонии, рисуют картины, именно они «зажигают ночью звезды»... Наверное, в том числе и для того, чтобы мир увидел, как циники под покровом темноты безжалостно и бесстыдно вычищают кладовые Отечества.

Ничего не бывает зря. Нынче люди сами убедились, что даже первосвященники не так боятся всеобщего народного гнева за причиненные ему несправедливости, как боятся одной души, ищущей правды и свободы. Какая, значит, сила в душе у каждого!

КАК ЖИТЬ ПО ПРАВИЛАМ?

Почему мы где-то там, далеко ищем пример для подражания? Почему мы сами не станем примером для других народов? Вы спросите: примером в чем? Что у нас есть такого, чего нет у других? У нас пока этого нет. Увы. Но чтобы не пропасть, выжить, нам и самим нужен такой пример, какой отражал бы нашу мечту. Наталья сформулировала для себя и для потомков такие простые и важные правила жизни.

За все благодарить Бога. Дышишь? Видишь? Слышишь? Двигаешься? Думаешь? Мечтаешь даже? — Благодарю Его! «Всякое дыхание да славит

Господа!» — сказано в Псалмах, и это абсолютно точно. Жить честно. Это не трудно, но очень приятно и необходимо так же, как чистить зубы, иначе мы обманем и продадим либо сдадим под проценты землю, страну и даже свою мать родную. Постоянно и прилежно трудиться, не красть и не мухлевать. Иначе — не жизнь, а сплошная Хитровка. Создавать семьи и рожать детей. Много детей, чтобы родная кровь населила родную землю. Бог дал нам земли и повелел: плодитесь и размножайтесь! В вере, надежде и любви воспитывать детей, прививая им Христовы заповеди. Заботиться и беречь стариков, ибо они свое уже отдали нам, надо вернуть им долги наши. Любовно ухаживать за природой, наслаждаясь ее красотой. Украшать землю, холить и лелеять ее. Один греческий философ записал для потомков, что каждый гражданин должен возделывать свой кусок земли. Каждый! Чистить от грязи квартиры, дома, дворы и улицы. Ежедневно стараться что-то доброе, полезное сделать для других. Не жадничать, помнить: «Что отдал — то твое!» Поддерживать людей, которые в отчаянии или наоборот, замыслили что-то большое, важное, но им нужно одобрение окружающих, что все получится, словом — «не бойсь!» Так выстраивать свою жизнь, чтобы за нее не было стыдно твоим детям и внукам. Чтобы ни в коем случае за тобой не тянулся шлейф «прохиндея, махинатора, проститутки и ворюги». Детям не должно быть тягостно и противно оглядываться на дела своих предков. И не важно, что ты хотел «для них все лучшее». «Лучшее» для них — твое честное имя.

Наталья вспомнила, как много лет назад на продуктовом рынке за ней бежала торговка и радостно объявила: «Как хорошо, что вы носите шляпку, по ней я вас и ищу, ищу... Слава Богу, нашла!» — «Что случилось?» — «Я вас обманула на сто рублей, а когда поняла, вас и след простыл! Бросила свой товар на соседку, побежала по рынку вас искать! По шляпке нашла! Возьмите свои деньги!» — «Спасибо, что нашли меня, вернули, всякое бывает... Но зачем же так переживать, я пока вашего недочета и не обнаружила». — «Нет-нет, мне на Страшном Суде не нужен еще и этот грех! Там за все-все придется отвечать!» — Женщина обмахнула платком свое потное лицо и счастливая — реально счастливая! — пошла к своим торговым рядам.

Зачем нам эти ВТО, ЕГЭ, ювенальная юстиция, чьи-то чужие команды и дрессировки, если мы от этого плачем? И плачем горючими слезами, когда из детей делаем стариков, не нагружая их важной и интересной работой, и этим вынуждаем их жить на бабушкину или дедову пенсию! В стране, где надо вкалывать и вкалывать засучив рукава, мы имеем безработицу! Что же это такое? У нас все уже сделано: поля засеяны, леса, реки, озера прочищены, дороги проложены, жилье всем построено? Нет? — Так откуда же тогда безработица?! Ах, на все это надо деньги? На содержание и поддержку государства банкам, крупнейшим монополиям они находятся, а на основную силу — их нет. Что это как не двойка за управление народным хозяйством! Полная профнепригодность наших статусных «менеджеров»!

Плачет наука — ее ужимают, не при
знают, стонет сельское хозяйство, чахнет малый бизнес, настоящая
культура, педагогика, здравоохранение, промышленность, рыбное и лесное
хозяйство — стонет все, потому что всех насилуют чужие и вредные люди,
которые не любят наш народ, не прислушиваются к его желаниям, а все
навязывают и делают вопреки его воле! Все вопреки нашей логике, желанию и
настроению! Получается, что не мы хозяева в своем доме, а какие-то воры,
насилники и убийцы!

Почему миллионы людей должны ждать, когда смерть заберет нерадивых
правителей? Разве нет у нас сейчас настоящего умного и честного
«председателя колхоза», который станет хорошим премьер-министром? Разве
нет таких же руководителей в промышленности, образовании, здравоохранении,
культуре, которые станут уважаемыми министрами, так как знают, что надо
делать, как это делать быстро и дешево? Как пустить в дело «силу народную»,
использовать лучшие стороны национального характера, раскрыть способности
каждого человека и не издеваться над народом и не воровать, не воровать, не
воровать...

Какой наш путь? Да вот же он: чтобы никто не стонал от отчаяния и
бессилия, чтобы наши дети хотели рожать! Чтобы мы своим родом населяли
свою землю, а не сдавали ее внаем, как обнищавшие помещики. Какая
национальная идея? Она очевидна, масштабна и актуальна: «Не красть!»

Дайте людям то, что они хотят, могут сделать, что, в конце концов, они
просят, и тогда откуда-то материализуются новые силы, появятся долгожданные
уверенность и радость.

ЛЮБИ ВСЕ РАВНО!

Наталье очень нравятся эти заповеди.

Люди неразумны, нелогичны и эгоцентричны. Люби их все равно!

Если ты творишь добро, люди обвинят тебя в эгоистичных, низменных
мотивах. Все равно твори добро!

Если ты преуспеваешь, ты получишь ложных друзей и настоящих врагов.
Все равно стремись к успеху!

Добро, которое ты делаешь сегодня, завтра будет забыто. Все равно твори
добро!

Искренность и честность сделают тебя беззащитным. Все же будь
искренен и честен!

Люди любят побежденных, но идут только за вожаками. Все же борись за
тех, кто побежден!

У Бога всего много! Проси у Него — и благодари!